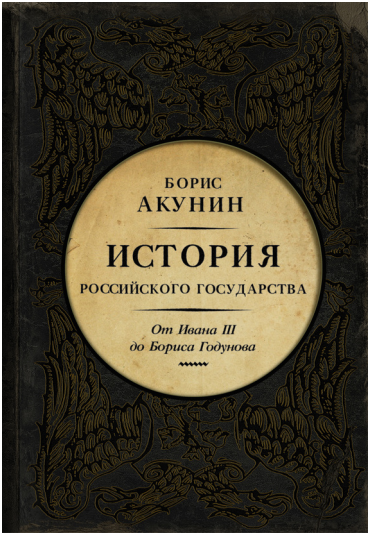

Борис Акунин
Между Азией и Европой. История Российского
государства. От Ивана III до Бориса Годунова
Серия «История Российского государства», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
Между Азией и Европой. История Российского государства. От Ивана III до Бориса Годунова:
АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-082532-5

Аннотация

В этой книге оживают страницы отечественной истории XV–VI веков – как драматичные, ключевые события, так и небольшие эпизоды, о влиянии которых на ход истории порой мало кто задумывается. Охвачен период с момента освобождения Руси от иноземного владычества до великой Смуты – новой утраты независимости в результате внутреннего кризиса и вражеского вторжения. Почему первоначальные успехи сменились поражениями?

Что во «втором» русском государстве изначально было – или со временем стало – причиной подобной непрочности? Третий том проекта «История Российского государства» продолжает разговор об истории Отечества с читателем, который предпочитает увлекательную манеру повествования, но стремится изучать факты, а не художественный вымысел, и делать выводы самостоятельно.

Содержание

Предисловие к третьему тому	5
Время Ивана Третьего (1462–1505)	8
Иван III Васильевич в жизни	11
Государственный семьянин	11
Реконструкция личности	20
Московский государь	26
Русь в 1462 году	26
Великий государь и самодержец	28
Единственный великий	33
Конец торговых республик	34
Судьба удельных княжеств	37
«Закрепощение» боярства	41
«Новгородский» период	43
«Татарский» период	51
«Литовский» период	59
Вторая Русь	59
Литовские войны	62
Русь возвращается на карту мира	66
Русь меняется	78
Построить государство	78
Социальные изменения	81
Иностранные мастера	86
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Борис Акунин

Между Азией и Европой. История Российского государства. От Ивана III до Бориса Годунова

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентствами Shutterstock, РИА Новости, МИА «Россия сегодня», Diomedia, Fotodom и свободными источниками

Рецензенты:

Б. Н. Морозов (Институт славяноведения РАН)

Л. Е. Морозова (Институт Российской истории РАН)

С. Ю. Шокарев (Историко-архивный институт РГГУ)

© В. Akunin, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Предисловие к третьему тому

В томе первом было описано раннее русское государство, которое появилось в конце IX века, просуществовало несколько столетий и распалось. Главная причина неуспеха этой «первой попытки», говоря коротко и упрощенно, заключалась в том, что исчезла причина, по которой это государство возникло. Оно образовалось на ключевом отрезке великого купеческого пути «из варяг в греки» — вдоль рек, соединяющих Черное море с Балтийским. Пока эта коммерческая магистраль сохраняла свое значение, Киевская Русь процветала, богатела и расширялась, выражаясь языком современным, за счет выгод от «обслуживания транзита» и участия в византийско-европейском товарообороте. Когда же речной маршрут начал хиреть из-за открытия новых торговых трасс и ослабления Византии, обнаружилось, что русская центральная власть слишком слаба, а внутренние межобластные связи недостаточно развиты, чтобы удерживать такую большую территорию внутри одной политической системы. Местным правителям стало выгоднее существовать самостоятельно, нежели делиться доходами с киевским великим князем, а у того не хватало средств справиться с центробежным движением. Обширное, но некрепко сшитое государство, охватывавшее значительную часть Восточной Европы, в XII веке распалось на множество средних и мелких княжеств, которые изредка объединялись перед лицом внешней опасности, но чаще воевали между собой. Однако они еще продолжали называться «Русью», сохраняли один язык, общую культуру, единую церковную организацию и управлялись родственниками — членами династии Рюриковичей. К моменту катастрофы 1237 года русского государства как такового давно уже не существовало, но страна еще сохранялась.

Во втором томе рассказывалось о том, как вследствие вмешательства внешней силы — монгольского нашествия — на время исчезла и страна. Русь утратила независимость и распалась на две части, каждая из которых в дальнейшем пошла своим историческим путем. Восточная половина стала сначала ордынской провинцией, а затем ордынским протекторатом; западная попала под власть литовских великих князей и польских королей. Двести с лишним лет, с середины XIII до середины XV века, суверенного русского государства не существовало.

Однако по мере ослабления великой империи Чингисхана, вследствие ряда объективных, но в еще большей степени случайных факторов, на северо-востоке бывшей страны начало укрепляться одно из маленьких княжеств — Москва. Очень небыстро, за полтора века, преодолевая сопротивление соседей и гибко приспосабливаясь к изменчивой ситуации внутри Орды, московские правители добились того, что их лидерство стало неоспоримым, а верховенство татарского хана превратилось в пустую формальность. К моменту смерти Василия II и вокняжения его сына Ивана III (1462 г.) в восточной половине Руси созрели все предпосылки для возрождения большого государства — *второго* русского государства.

Приступая к работе над русской «Историей», я намеренно отказался от выстраивания какой-либо концепции. Нет у меня такого искушения и сейчас. Я по-прежнему не собираюсь ничего доказывать читателям, не хочу их убеждать в правоте именно моего взгляда на историю. Я хочу всего лишь пройти по всей цепочке событий, чтобы посмотреть, как развивалось российское государство, и попытаться понять, почему оно сумело справиться с одними задачами и не сумело справиться с другими; в какие моменты государственная власть действовала в интересах страны и народа, а когда она им вредила; вообще — что такое «польза» и «вред» применительно к стране на каждом историческом этапе. И всё же, даже при таком намеренно ненаучном, неметодологическом способе изложения трудно не заметить, что на протяжении тысячелетней истории неоднократно происходило чередование векторов движения. Страну, географически расположенную на стыке западной и восточной

цивилизаций, вело то в сторону Запада, то в сторону Востока. Эти переходы из условной Европы в условную Азию и обратно настолько очевидны, что мало кто из серьезных историков оспаривает историческую «двухкомпонентность» российской государственности.

Колебания этого геополитического маятника отражены и в названиях томов.

Первый назывался «Часть Европы» – потому что до середины XIII века Русь оставалась в русле общеевропейской истории (если включать в таковую и Византию).

Второй том пришлось назвать «Часть Азии», ибо Русь, во всяком случае восточная ее половина, стала частью азиатской (монгольской) державы и начала существовать по совершенно иным принципам.

Данный том получил название «Между Азией и Европой». Русь восстанавливает независимость, переходит к самостоятельному развитию, однако пока еще она намного ближе к Востоку, чем к Западу – прежде всего, по своей государственной системе, унаследованной от Орды и в значительной степени ее копирующей.

Это и естественно. Русские правители не видели и не знали государства могущественнее Золотой Орды. Византия, бывший учитель киевских великих князей, впала в ничтожество, а в 1453 году вообще прекратила свое существование. Новый исполин – Османская империя, была военной державой, которая тоже в значительной степени заимствовала структуру чингизидских царств. Военно-ордынский тип государственной организации строился на простых, ясных и удобных принципах. Главный стержень – абсолютная, обожеествленная власть государя; правление осуществляется не по единому для всех закону, а по августейшей воле монарха; все подданные, от первого вельможи до последнего раба, считаются слугами государства – то есть государя; жесткая вертикальная структура при необходимости обеспечивает быструю мобилизацию военных и хозяйственных ресурсов.

Правда, Золотая Орда рассыпалась на глазах у московских правителей, однако произошло это, по представлению современников, из-за ослабления ханской власти и своеволия ордынской знати. Русские правители сделали из этого вывод, казавшийся очевидным: чем тоталитарнее контроль сверху, тем прочнее держава. Так возникает парадокс, который впоследствии станет одной из главных коллизий российской истории. Оставаясь по своей структуре, принципам устройства, идеологии государством «ордынского» склада, Россия будет стремиться занять важное, а если получится, то и доминирующее место в европейской политической системе.

Дело в том, что одновременно с созданием нового русского государства при Иване III энергетический центр истории начинает постепенно перемещаться с Востока на Запад. На первом этапе описываемого периода Азия в лице Османской империи еще наступает и теснит Европу, но к концу XVI века опережающее развитие последней становится всё более очевидным. Обновленному русскому государству, связи которого были традиционно ориентированы на Восток, приходится всё больше заниматься Западом. Европа становится ближе и *важнее*; экономические, технологические и культурные интересы заставляют Русь поворачиваться к ней лицом.

Следующий, четвертый том, посвященный Руси XVII века, будет называться «Между Европой и Азией» – к тому времени Московское государство отдрейфует еще дальше в западном направлении, всё более дистанцируясь от Востока.

Третий том охватывает события с 1462 до 1605 года, то есть с момента фактического освобождения Руси от иноземного владычества до великой Смуты – новой утраты независимости в результате внутреннего кризиса и вражеского вторжения. Первоначально я собирался назвать том «Вторая попытка». Это, собственно, и была вторая попытка создания большого централизованного государства, мощно стартовавшая, но приведшая к печальному финалу. Суверенитет вновь был утрачен, но теперь уже в столкновении с Западом, а не с Востоком. Хотя крах оказался менее катастрофичным, чем в XIII столетии, и независи-

мость через несколько лет была восстановлена, всё же представляется очень важным понять: почему успехи сменились поражениями? Что во «втором» русском государстве изначально было – или со временем стало – причиной подобной непрочности?

Именно эта линия в данном томе будет ведущей. Мои предположения и выводы, как обычно, я соберу в заключительной главе. К тому времени читатель, уже ознакомившись с фактами, наверняка сформирует собственную точку зрения, которая, возможно, и не совпадет с авторской.

Эпохи российской истории, с ее перемещениями из одного цивилизационного пространства в другое, настолько отличаются друг от друга, что в каждом томе приходится менять принцип повествования, приспособлявая его к особенностям данного периода. Структурно третий том существенно отличается и от первого, и от второго.

Прежде я уже писал, что меня очень занимает давний спор о роли личности в истории. Совершенно очевидно, что эта роль сильно варьируется в зависимости от формы государственного устройства. При демократической республике или ограниченной монархии она, разумеется, существенно меньше, чем при абсолютизме или при военно-диктаторском режиме. Если – обычно в силу вполне объективных причин – в стране устанавливается режим неограниченной власти одного человека, то фактор вполне субъективный, личные качества правителя, обретает гипертрофированное значение.

Такой концентрации единовластия, какое произошло в описываемый период, на Руси прежде еще не бывало. В эти времена, когда, по выражению С. Соловьева, «государство было еще так юно», личность Самодержца определяла политику страны, а стало быть, и ее судьбу. Характер монарха, слабые и сильные черты его натуры, состояние здоровья, события семейной и частной жизни накладывали отпечаток на всю эпоху. Не будет большим преувеличением сказать, что действовал принцип: каков государь, таково и государство. Вот почему в период, охваченный данным томом, описание политических событий, социальных и экономических изменений проще вести не от объективного к субъективному, а наоборот, от личного к общественному.

Для рассказчика это очень удобно. История «второй попытки» легко делится на четыре *времени*, по числу русских правителей, и у каждого из этих времен отчетливая собственная индивидуальность. Первые три раздела – «Время Ивана III (1462–1505)», «Время Василия III (1505–1533)» и «Время Ивана IV (1533–1584)» – я назвал именами монархов; четвертый, «Время Бориса Годунова (1584–1605)», – именем фактического главы государства, хотя с 1584 до 1598 г. на престоле находился царь Федор I.

Каждая часть начинается главой, посвященной личности властителя. Без этого многое в жизни государства осталось бы непонятно.

Затем следуют тематические главы, формирование и подбор которых опять-таки зависят от индивидуальных особенностей правления: чем рациональней и последовательней владыка, тем стройнее повествование (как, например, в описании эпохи Ивана III) – и наоборот, при таком мятущемся монархе, как Иван IV, рассказ о жизни государства тоже получается «скачущим».

Время Ивана Третьего (1462–1505)

(© РИА Новости)

Историю Ивана III, правителя целеустремленного и настойчивого, поделить на хронологические и тематические главы очень легко, поскольку Иван Васильевич обычно не брался за новую государственную задачу, не покончив с предыдущей. Великий князь всегда твердо знал, чего он хочет и какими средствами будет этого добиваться. Он безусловно обладал незаурядным стратегическим мышлением, строил свои планы задолго и надолго, и планы эти, даже самые трудные, всегда бывали реалистичны.

Фоном всей деятельности Ивана III были усилия по преобразованию конгломерата неоднородных, по-разному устроенных русских областей в единое государство; по созданию властной пирамиды, увенчанной фигурой абсолютного монарха. Эту работу государь вел кропотливо, терпеливо и непрестанно с первого и до последнего дня своего долгого княжения. Иван был истинным архитектором «второго» русского государства. Глава «Московский государь» посвящена трудам Ивана III по строительству жестко централизованного, самодержавного организма власти.

Затем, в хронологическом порядке, идут главы, в которых описаны три большие кампании, осуществленные Иваном III: Новгородская, Татарская и Литовская. Именно они заложили фундамент великого царства и определили будущее страны. Государю, конечно же, во все годы приходилось одновременно заниматься и новгородскими, и татарскими, и литовскими делами, однако будучи человеком методичным, он на каждом этапе считал приоритетным только одно из этих направлений.

Проблема Новгорода в целом решилась к 1480 году; татарская проблема – к 1487-му, и в дальнейшем, до конца жизни, Иван был главным образом занят Литвой. Соответственно построено и повествование.

Еще три главы отведены темам, без которых рассказ об этом важном периоде русской истории был бы неполным: изменениям во внутренней жизни страны, становлению русской внешней политики и взаимоотношениям светской власти с церковью.

Однако прежде всего давайте познакомимся с живым человеком, которому было суждено осуществить грандиозную задачу возрождения русского государства.

Иван III Васильевич в жизни

Государственный семьянин

Наследник и преемник невыдающегося Василия II родился 22 января 1440 года. По святцам это был день памяти апостола Тимофея, и «прямое», то есть крестильное имя княжича было Тимофей. По древней традиции получил он и еще одного небесного покровителя, Иоанна Златоуста, в честь которого был наречен Иваном. Под этим вторым именем он и остался в истории. Мать Тимофея-Ивана, Мария Ярославна, происходила из серпуховской ветви московского княжеского дома. Мальчик был на четверть литовцем, правнуком великого Витовта.

До зрелых лет дожили еще пятеро детей Василия II: Юрий Молодой, Андрей Большой, Борис, Андрей Меньшой и Анна.

В жизни всякого монарха семейное и государственное переплетены, родственные и брачные связи не бывают частным делом, а у Ивана III государственный интерес находился на первом месте и, похоже, всегда брал верх над личными чувствами – в этом он выгодно отличался от многих последующих российских властителей. Иван Васильевич никогда не был просто семьянином – мужем, братом, отцом, дедом; он был *государственным семьянином*. Мы должны всё время об этом помнить, оценивая его поступки по отношению к родственникам и, в особенности, к родным братьям, с которыми Иван, если того требовала государственная необходимость, обращался как с врагами.

Детство княжича было тревожным.

Ему было всего пять лет, когда неосторожный Василий Васильевич угодил в татарский плен, едва не погубив Московское княжество. В следующем году настали еще более бурные времена. Вернувшийся из плена великий князь был свергнут с престола кузеном Дмитрием Шемякой, ослеплен и заключен в темницу. Маленького наследника было увезли, но потом выдали врагам, и он разделил с отцом заточение. Затем свергнутого Василия, получившего за незречность прозвище «Темный», вместе с семьей отправили княжить в захолустную Вологду, где слепец начал готовиться к новой гражданской войне. Чтобы заручиться поддержкой тверского князя Бориса Александровича, он пообещал женить семилетнего Ивана на тверской княжне Марии, которая была еще младше.

Вскоре после возвращения на престол слепой Василий провозгласил маленького сына соправителем, так что Иван титуловался великим князем начиная с 1449 года. Трудно сказать, с какого возраста его стали привлекать к обсуждению государственных дел, но произошло это очень рано. Уже в двенадцать лет он участвовал в военной экспедиции (против Шемяки); вернувшись из похода, Иван женился на Марии Борисовне – то есть формально стал взрослым.

Василий Тёмный и его сын Иван. В. П. Верещагин

Василий Темный сделал девятилетнего ребенка своим соправителем, чтобы в будущем избежать обычной для того времени междоусобной войны за престолонаследие – младшие братья, вечный источник опасности, должны были привыкнуть к особенному положению старшего. Однако эта мера, предпринятая во имя государственной стабильности, оказалась мудрой и еще в одном смысле: в 1460 году она спасла великого князя от гибели.

Враждуя с Новгородом, давшим приют упрямому Шемяке, великий князь в конце концов склонил купеческую республику к покорности. Отобрал у нее часть земель, взял большую контрибуцию, а через некоторое время, со свойственной ему беспечностью, явился в ненавидящий его город с небольшой свитой, да еще в сопровождении двух сыновей, Юрия Молодого и Андрея Большого.

Новгородцы решили воспользоваться столь удобной возможностью и убить своего обидчика вместе с княжичами, тем самым повергнув Москву в смятение и хаос. Но новгородский архиепископ Иона отговорил заговорщиков, сказав, что убивать государя бессмысленно, поскольку его старший сын Иван остался в Москве и сумеет удержать власть в своих руках.

Из этого следует, что в двадцать лет Иван Васильевич был соправителем уже не только номинально, но и фактически – и об этом знала вся страна.

Вот почему вокняжение Ивана после смерти отца (27 марта 1462 г.) произошло без каких-либо осложнений, и чувствовал он себя на престоле настолько уверенно, что даже не озаботился – впервые в московской истории – испросить ярлык у хана. Именно этим историческим моментом (а не 1480 годом, как принято считать), пожалуй, и следует завер-

шать эпоху татарского владычества над Русью. Тогда же фактически рождается «второе» суверенное государство.

Раз и навсегда определенного порядка престолонаследия на Руси не существовало, и всякий раз после смерти предыдущего великого князя возникал раздор между претендентами, которые в прежние времена часто обращались за поддержкой к внешней силе – татарам. Но для независимой страны вопрос династической преемственности имел первостепенную важность – особенно в той системе самодержавной власти, которую всю жизнь строил Иван III. В последний период его правления из-за неопределенности порядка наследования в стране произойдет серьезный кризис. Чтобы разобраться в его истоках, нам придется подробно рассмотреть матримониальную жизнь Ивана Васильевича.

Итак, в 1452 году, исполняя обязательства перед союзником, Василий Темный женил наследника на тверской княжне Марии. Брак был политическим, государственным: благодаря ему Тверь, прежняя соперница Москвы, становилась ее сателлитом.

Очень рано, чуть ли не четырнадцатилетней, Мария родила юному Ивану сына, которого называли «Иван Молодой». В 1470 году, повторяя удачный прием своего родителя, государь сделал наследника соправителем.

Но к этому времени великий князь овдовел (Мария Борисовна умерла в 1467 году) и готовился вновь сочетаться браком.

История второй женитьбы Ивана Васильевича настолько интересна и имела столь важные последствия для русского государства, что заслуживает обстоятельного рассказа.

К этому времени положение Ивана, владетеля сильного и богатого государства, очень сильно переменялось по сравнению с 1447 годом, когда обручение с тверской княжной считалось большой удачей. Невест, по статусу равных такому жениху, на Руси не имелось, поэтому было желательно найти новую супругу за пределами страны, в иноземных венценосных домах. Проблема заключалась в том, что в Европе почти повсеместно утвердилось католичество, и православную принцессу отыскать было трудно.

В 1468 году один пронырливый итальянец, которого на Руси называли Иваном Фрязином (настоящее его имя было Джан-Баттиста делла Вольпе), приглашенный в Москву наладить чеканку монеты, предложил устроить брак вдовствующего Ивана с византийской царевной Зоей Палеолог. К тому времени греческая империя уже полтора десятилетия как пала, но престиж титула василевсов был очень высок. Отец Зои, правда, василевсом никогда не был – последнему императору он приходился братом, однако унаследовал это звание, то есть пышно именовался кесарем в изгнании, однако не имел ни владений, ни средств к существованию. (Его наследник Андрей Палеолог впоследствии торговал императорским титулом, пытаясь соблазнить им и своего зятя Ивана, но тот не любил выкидывать деньги на ветер и отказался. Правильно сделал, потому что бессовестный византиец умудрился в разное время продать свое кесарство аж трем разным принцам.)

Фома Палеолог, деспот Морейский, отец Зои. *С фрески Пинтуриккио*

Таким образом, партия была не такой уж блестящей, тем более что к 1468 году Зоя осиротела. Два ее предыдущих жениха, сын мантуанского маркиза и захудалый король кипрский, поразмыслив, от такой невесты отказались. Зоя была бесприданницей и жила на иждивении у римского папы, из милости и довольно скудно. Павел II был рад избавиться от этой обузы, тем более что хитрый Вольпе наобещал понтифику, что таким образом можно будет приобщить Московию к католичеству. (Принцесса, рожденная в православии, в Риме, разумеется, перешла в латинскую или, по меньшей мере, униатскую веру, о чем «Иван Фрязин» сообщать русским не стал.) В Риме надеялись подключить Московию к антитурецкой коалиции – Османская империя была для Святого Престола главным врагом и постоянной угрозой.

В Москве женитьба на византийской царевне воспринималась совсем не так, как в Европе. Богатый русский государь в приданом не нуждался, с далекой Турцией ссориться не помышлял, зато был крайне заинтересован в повышении своего престижа. После долгой и унижительной ордынской зависимости новому суверенному государству нужно было возвращаться на международную арену и повышать свой статус.

Что мы сегодня знаем о молодой женщине, которой предстояло сыграть важную роль в русской истории?

По меркам того времени она была сильно засидевшейся невестой – вступила в брак двадцатичетырехлетней. Внешность при политическом браке большого значения не имела, но Вольпе, следуя европейскому обычаю, привез в Москву портрет девушки. На Руси, где светские портреты были не в обиходе, картину называли «иконой». К огромному сожалению, эта «икона» до нашего времени не сохранилась. Кажется, Зоя была, на итальянский взгляд, толстовата, но русские придерживались иных канонов красоты и полноту скорее воспринимали как достоинство.

В середине XX века, когда был вскрыт саркофаг, облик великой княгини восстановили по останкам (см. илл. на с. 17).

Хороша ли собой была греческая невеста или нет, действительно не имеет значения. Гораздо существеннее то, что она была очень неглупа и неплохо образованна. Зоя воспитывалась при одном из просвещеннейших дворов Европы, в эпоху, когда итальянская культура переживала Возрождение. Царевна с детства знала греческий, итальянский, латынь и, кажется, довольно легко выучила русский – видимо, была способна к языкам. Среди ее личных вещей имелось немало книг, что впоследствии породило легенду о библиотеке византийских императоров, якобы перевезенной в Москву и пропавшей во времена Ивана Грозного. (На самом деле у бесприданницы взяться такому сокровищу было неоткуда.) В любом случае, великая княгиня настолько отличалась манерами и поведением от воспитанных в запертом тереме русских женщин, что государь сажал ее рядом с собой принимать послов. Последующие монархи своих жен чужеземцам демонстрировать не будут. Из записок иностранцев известно, что «деспина» (так ее называли по титулу покойного отца, деспота Морей) была умна и могла вести ученую беседу.

Кроме того эта женщина несомненно обладала весьма твердым характером, иначе она не смогла бы влиять на своего супруга, который привык все решения принимать сам. В конечном итоге две эти сильные личности вступили в конфликт, о котором будет рассказано чуть ниже.

Софья (Зоя) Палеолог. Реконструкция по черепу С. Никитина

Несмотря на взаимную заинтересованность, переговоры и обмен посольствами продолжались целых четыре года – тогда всё делалось неспешно. Наконец, летом 1472 года Зоя отправилась в долгое путешествие, кружным путем, в объезд недружественного Москве польско-литовского государства. Дорога заняла четыре с половиной месяца.

Щекотливый вопрос о конфессии невесты решился легко и быстро. Девушка была слишком умна и прагматична, чтобы делать из этого проблему. В Москву она прибыла уже не Зоей, а Софьей – это имя звучало более «русским». Как она вернулась в лоно православия, достоверно неизвестно. Скорее всего, никакого особого обряда не было и Софья просто сделала вид, что никогда не оставляла греческой веры, то есть воспользовалась ложью Ивана Фрязина (что не спасло Вольпе от опалы – видимо, вранье все же каким-то образом раскрылось). Папский легат всю долгую дорогу возглавлял свадебный поезд, везя перед ним католический крест. Но близ Москвы кардинала попросили убраться на задний план, а крест спрятать в сани. Ни об унии с Римом, ни о союзе против турок речи не было. Молодая государыня никакой поддержки кардиналу не оказала, и через два или три месяца он отправился обратно, получив в утешение богатые подарки.

Русские встречают царевну Зою. *Ф. Бронников*

Второй брак Ивана Васильевича оказался продолжительнее первого. Софья сначала рожала дочерей, что никак не меняло династической перспективы – наследником и соправителем великого князя оставался Иван Молодой. Однако в 1479 году у гречанки родился собственный сын, Василий, а за ним еще четверо (не считая умерших в младенчестве).

В семье государя обозначился опасный раскол, из-за которого весь двор поделился на две враждебные партии: наследника и великой княгини. Конфликт этот перешел в острую фазу после того, как очевидный и, в общем, бесспорный преемник Иван Молодой в 1490 году умер. Теперь вопрос о наследовании стал менее очевидным.

Закона о передаче короны по прямой линии от отца к старшему сыну и так далее не существовало, да и сама идея того, что может быть какое-то правило, обязательное для самодержца, противоречило системе, которую создавал Иван III: высшей инстанцией являлась воля государя, и лишь он один имел право решать, кто станет монархом после него.

Разумеется, такой порядок перехода власти будет не раз приводить к смуте, поскольку у каждого из сыновей, да и братьев монарха имелось теоретическое право на трон. «Правильный» порядок престолонаследия в России установится только в конце XVIII века.

Для Ивана Молодого честолюбивый отец – опять не без труда – сумел подыскать иноземную православную невесту, хоть и менее именитую, чем Софья Палеолог: дочь валашского (молдавского) господаря Стефана. Елена Волошанка, как называли в Москве молодую княгиню, силой характера не уступала государыне и, овдовев, возглавила сообщество придворных, делавших ставку на ее сына, маленького Дмитрия.

Обе женские партии – «Грекини» и «Волошанки» – боролись за влияние, стараясь склонить на свою сторону стареющего великого князя. Неустойчивое равновесие сохранялось несколько лет. Иван не торопился с решением – вероятно, присматривался к подрастающим княжичам, пытаясь понять, кто из них более подходит на роль правителя и будет лучше «держатъ государство». Есть основания полагать, что колебания Ивана Васильевича объяснялись именно государственными интересами, а не личными симпатиями. По-родственному он, кажется, был больше привязан к Дмитрию, но Иван III не привык в важных делах руководствоваться эмоциями.

Имело значение и окружение каждого из претендентов.

Вокруг внука собрались знатнейшие люди двора, члены Боярской думы. Это была партия аристократическая. На первых ролях в ней были ближайшие советники Ивана – князья Иван Патрикеев и Семен Ряполовский.

Партию Софьи можно назвать «бюрократической». В ней тон задавали дьяки – чиновничье сословие, усиление которого было обусловлено потребностями большого централизованного государства.

Конфликт двух этих сил, распространившийся и на церковь (об этом речь пойдет в отдельной главе), носил глубинный характер.

Бояре не любили «Грекиню», потому что она, следуя традициям византийской империи, стремилась возвысить престиж великокняжеского звания, усложняя придворный церемониал и вводя всё новые непривычные ритуалы. Это не только раздражало консервативную знать, но и пугало ее, причем не без оснований. Чем выше становился пьедестал трона, на котором восседал государь, тем больше он обособлялся от Думы, а московские бояре издавна привыкли активно участвовать в управлении страной.

В то же время у служилого сословия подобных амбиций не было; усиление личной власти монарха вполне соответствовало интересам дьяков и неродовитой знати.

Несколько лет противоборствующие стороны плели интриги и производили закулисные маневры. Затем произошел взрыв.

В октябре 1497 года Дмитрию Ивановичу исполнилось 14 лет. Бояре стали уговаривать государя назначить подростка соправителем, что означало бы полную победу над партией Василия и Софьи. Взмолнованные оппоненты составили заговор, намереваясь захватить казну и уничтожить Дмитрия. О заговоре донесли государю. Больше всего Ивана Васильевича испугало, что Софья секретничала с какими-то «лихими бабами», у которых якобы было некое «зелье». Колдовства в те суеверные времена боялись еще больше, чем ядов.

Великий князь больше не колебался. Самых активных заговорщиков предали жестокой казни, «лихих баб», как полагалось поступать с ведьмами, утопили в реке, супругу Иван от себя отдал, а Василия поместил под стражу.

Вскоре после этого Дмитрий – впервые в русской истории – был торжественно венчан на великое княжение. Некоторые историки даже считают, что это было коронованием на царство, ибо в чине церемонии упоминается «скипетр царствия». По иронии судьбы византийский ритуал, который так старательно насаждала Софья, увенчал победу ее врагов.

Фрагмент «Пелены Елены Волошанки» (1498) с изображением коронации Дмитрия: Елена – в красном плаще, Софья – в желтом, загнанная в угол

Но государственный интерес оказался сильнее обиды. Миновало совсем немного времени, и Иван Васильевич понял свою ошибку. Ослабление служилой партии привело к усилению Боярской думы, что нарушало систему власти, кропотливо строившуюся государем. Не прошло и года, как недавние триумфаторы, князья Патрикеев и Рязанский, внезапно были схвачены. Первого постригли в монахи, второму отрубили голову. В чем заключалась их «измена», летописи не сообщают, лишь в одном из документов упоминается, что великий

князь обвинял репрессированных в «высокоумничаньи» – очевидно, те оказались недостаточно гибкими и послушными.

Некоторое время после этого Иван Васильевич держал обоих наследников в «равноудалении», а их честолюбивых матерей тем более.

Однако государь старел, его здоровье ухудшалось.

В апреле 1502 года Иван наконец принял решение – видимо, с нелегким сердцем. Сын Василий не отличался государственными талантами, но зато вокруг него не группировалась боярская знать, усиление которой ограничило бы монопольную власть еще некрепкого самодержавия. Вероятно, не последнюю роль сыграло и то, что Софья стала не та, что прежде (она хворала и скоро умерла); Елена Волошанка была моложе и опаснее.

Василия провозгласили «большим князем» (то есть следующим по старшинству после «великого»), Дмитрия же вместе с матерью для верности посадили в заточение, хотя ни о каких их винах летописи не сообщают. По-видимому, суровое решение было мерой сугубо профилактической. Иван III, как обычно, пожертвовал семейными интересами ради государственных. (Мы увидим, что лишь перед самой кончиной, уже на смертном одре, он даст волю чувствам.)

Для человека Средневековья Иван Васильевич прожил долгую жизнь. На шестьдесят шестом году у него случился инсульт («отняло руку, и ногу, и глаз»), он «начал изнемогати» и через несколько месяцев, 27 октября 1505 года, скончался.

Намекая на то, что этот рассудочный, холодный монарх не был популярен, Карамзин вежливо пишет: «Летописцы не говорят о скорби и слезах народа; славят единственно дела умершего, благодаря Небо за такого Самодержца!»

Реконструкция личности

Каким же был человек, сыгравший такую значительную роль в отечественной истории?

Мы многое знаем о его деяниях и почти ничего об истинных мотивах этих поступков. Как писал С. Соловьев, в документах эпохи «редко исторические лица представляются мыслящими, чувствующими, говорящими перед нами – одним словом, живыми людьми; сами эти лица действуют большею частью молча, а другие люди, к ним близкие, знавшие их хорошо, ничего нам об них не говорят». Давать характеристики московским монархам смели разве что иностранцы, но в конце XV века их на Руси было еще слишком мало – первые более или менее живые описания русских государей начинаются с Ивана Грозного. Что же касается Ивана III, то мы и о внешности-то его знаем лишь благодаря запискам венецианца Контарини. Старинные русские портреты слишком условны, государи чересчур благообразны и иконописны, лишены черт индивидуальности.

Амброджо Контарини видел великого князя в 1476 году, когда Ивану Васильевичу было 36 лет. «Он высок, но худощав, – лаконично пишет итальянец. – Вообще он очень красивый человек». Вот и всё. В наших летописях еще мелькает прозвище «Горбатый», из чего можно предположить, что великий князь сильно сутулился – на настоящий горб Контарини наверняка обратил бы внимание.

Диапазон мнений о характере и натуре Ивана III у историков весьма широк – от восторженного до обличающего, в зависимости от того, нравится этот государь автору или нет. В его деяниях безусловно можно найти основания и для восторгов, и для обличений.

Наглядный пример такой противоречивости можно, например, встретить у Н. Костомарова, который в одном месте пишет: «Он не отличался ни отвагою, ни храбростью, зато умел превосходно пользоваться обстоятельствами», а через несколько абзацев: «Решитель-

ный и смелый, он был до крайности осторожен там, где возможно было какое-нибудь противодействие его предприятиям».

Попробуем реконструировать личность Ивана III сами, руководствуясь не чьими-то оценками, а установленными фактами и правдоподобными предположениями.

Не вызывает сомнений, что важную роль в формировании личных качеств Ивана сыграли впечатления детства, полного потрясений, опасностей и резких перемен.

В жизни мальчика было очень много страшного: страх перед татарами, взявшими в плен отца; страх перед жестоким Шемякой, приказавшим выколоть отцу глаза; страх перед изменниками-боярами; страх перед ненадежными родственниками; да и грозная бабушка Софья Витовтовна, которой боялся сам Шемяка, наверняка внушала домашним трепет.

Главный урок, извлеченный Иваном из этих ранних переживаний и из трагического опыта его беспечного родителя, заключался в том, что государь должен быть очень осторожен, никогда не идти напролом и всячески избегать личного риска.

Итак, первая, коренная черта этого характера – осторожная расчетливость. Уже в юности Иван, по выражению Карамзина, «изъявлял осторожность, свойственную умам зрелым, опытным, а ему природную: ни в начале, ни после не любил дерзкой отважности; ждал случая, избирал время; не быстро устремлялся к цели, но двигался к ней размеренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности, и несправедливости, уважая общее мнение и правила века». Обстоятельность, терпеливость, настойчивость и последовательность в достижении поставленной цели обеспечивали Ивану III успех почти во всех делах, за которые он брался.

В этой стратегической установке проявлялась самая сильная и позитивная сторона самодержавной монархии как политической системы. Самодержец Иван III мыслил масштабами не своей земной жизни, а целой династии, поэтому он мог строить дальние планы, завершить которые предстояло его преемникам – как, например, произошло с присоединением Псковщины: аннексию этого важного региона государь неторопливо подготавливал десятилетиями, а завершилось дело уже при его сыне Василии. Ближайшие соседи и вечные соперники, польские короли, не обладавшие абсолютной властью и каждый раз избиравшиеся на трон, подобной роскоши позволить себе не могли и дальних планов обычно не вынашивали.

Напрямую с осторожностью связана другая черта, присущая Ивану Васильевичу, – небоевитость, которую некоторые современники и многие историки оценивали как трусость. Уже говорилось, что первый свой военный поход княжич-соправитель возглавил еще двенадцатилетним, но то была воля отца. Став полновластным государем, Иван в боевых действиях предпочитал не участвовать и лично вел войско лишь в такие походы, когда капитуляция противника была гарантирована.

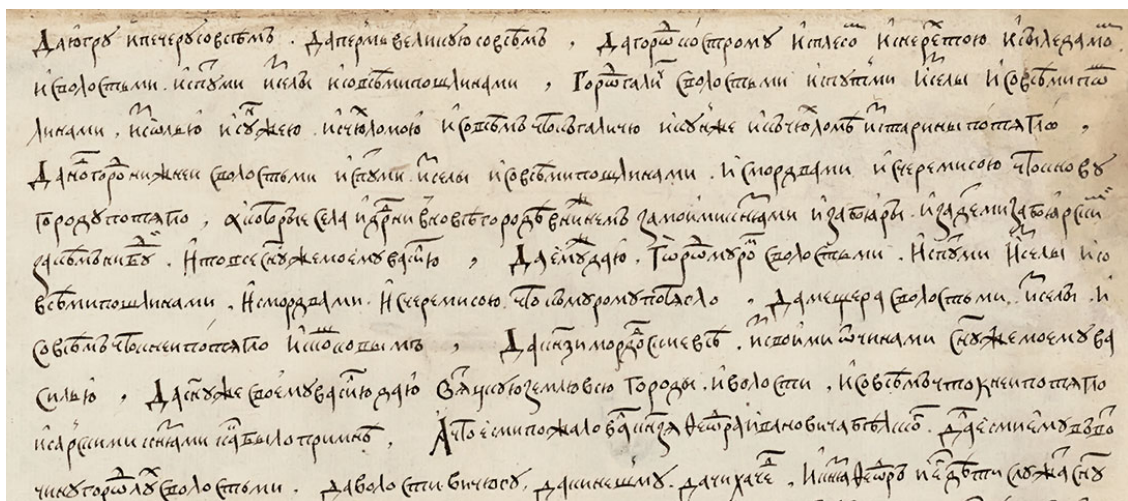
Портрет Ивана III Васильевича из «Царского титулярника»

Серьезный урон репутации великого князя нанес поспешный отъезд из армии в 1480 году, когда на Русь двигалась рать ордынского хана Ахмата (об этом эпизоде пойдет речь в «татарской» главе). Бросив войско на сына и воевод, государь уехал в Москву, где его публично обозвал «бегуном» архиепископ Вассиан, сказавший (цитирую по Соловьеву): «Вся кровь христианская падет на тебя за то, что, выдавши христианство, бежишь прочь, бою с татарами не поставивши и не бившись с ними; зачем боишься смерти? Не бессмертный ты человек, смертный; а без року смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю; дай мне, старику, войско в руки, увидишь, уклоню ли я лицо свое перед татарами!» Зароптали и москвичи. Великому князю пришлось вернуться к войску, но до конца противостояния он держался на безопасном расстоянии от боев.

Вряд ли это была трусость – скорее, типичная для Ивана рассудительность. Он знал, что воеводы ведают военную науку лучше, чем он, а главное, не желал из-за какой-нибудь

несчастливой случайности повторить судьбу отца, тем самым погубив великое дело, которое замыслил. Государь любил действовать наверняка. Австриец Сигизмунд фон Герберштейн, на которого я в этом томе еще не раз буду ссылаться, пишет: «Он обыкновенно никогда сам не присутствовал в сражении и однако ж всегда одерживал победу».

С рассудительностью связано другое качество, в высшей степени свойственное Ивану III – практичность, хозяйственность, рачительность. Это была натура очень приземленная. Проявляя набожность и благочестие на словах, истово отстаивая интересы православия, возводя пышные храмы (не столько для Бога, сколько ради демонстрации собственного величия), государь относился к религиозным вопросам сугубо прагматически. Это проявилось и в его церковной политике, о которой мы еще поговорим, и в терпимости к иноверцам, и в легкости, с которой он выдал свою дочь за католика, и даже в последней воле – Духовной. В самом начале завещания, почти скороговоркой проговорив обязательную формулу («Во имя святых и живоначальных Троица: Отца и Сына и Святого Духа, и по благословению отца нашего Симона Митрополита всеа Руссии. Се яз многогрешный и худый раб Божий Иоанн, при своем животе, в своем смысле, пишу сию грамоту душевную»), далее, очень деловито и дотошно он делит имущество: «...а сын мой Андрей дает со всего удела со всего, и с Старицы, и с Холмских вотчины с Холму, и с Нового города, и с Олешни, и с Синие, и синих волостей с Тверских, что ему дано, сорок рублей с аполтиною и полчетверты денги... А сыну моему, князю Ивану: пояс золот татаур, да два ковша золоты по две гривенки». Великокняжеские завещания всегда подробны в хозяйственных распоряжениях, но все же не до «полчетверты денги». Такая обстоятельность перед лицом смерти, пожалуй, даже вызывает почтение: управляющий вотчиной под названием «Русь» сдает хозяйство и заботится, чтобы оно поддерживалось в порядке.

Страница из завещания Ивана III

Оборотной стороной рачительности была скупость – наследственная болезнь потомков прижимистого Калиты. Даже удивительно, как это в Иване III масштабность задач уживалась с патологической мелочностью. Он был несметно богат, много богаче всех своих предшественников – доходы из новых земель шли в казну потоком; перечень сокровищ в Духовной («лалов, яхонтов, других камней, жемчугу, саженья всякого, поясов, цепей золотых, сосудов золотых, серебряных и каменных, золота, серебра, соболей») и прочей «рухляди») нескончаем. Но при этом известно, что, выдавая иностранным послам положенную по протоколу провизию, государь требовал шкуру от съеденных баранов отдавать обратно.

В 1504 году, когда в Москву явился посол императора Максимилиана с просьбой прислать для охоты белых кречетов, которыми славилась Русь, Иван Васильевич поскряжничал, хотя был очень заинтересован в хороших отношениях с Веной – дал только одного белого кречета и подсунул четырех красных, менее ценных, а посланника одарил такой плохой шубой, что тот даже обиделся.

Все силы души и вся страстность (если у Ивана она вообще была) расходовались на властолюбие и собирательство земель. В остальном это, по-видимому, был человек, эмоциям не подверженный. Нет никаких упоминаний о фаворитках или каких-то личных пристрастиях монарха; вспышки гнева у него были редки, и их последствия, как мы видели в истории с наследованием, впоследствии исправлялись.

По природе Иван Васильевич не был человеком жестоким. Точнее сказать, он и в жестокости бывал прагматичен: когда нужно для дела – сурово карал, когда требовалось быть милостивым – миловал. Впрочем, в этом отношении он менялся с годами. В молодом и среднем возрасте Иван, пожалуй, был скорее милосерден – такое впечатление складывается из чтения летописей.

Когда в 1467 году внезапно скончалась великая княгиня Мария Борисовна, ее тело страшно распухло, так что возникло подозрение, не злыми ли чарами ее погубили. Дознание установило, что некая Наталья, жена придворного Алексея Полуехтова, якобы посылала пояс государевой супруги к ворожее. Обвинение было ужасное, а Иван Васильевич, будучи человеком своего времени, в колдовство верил и очень его боялся. Он страшно разгневался – и что же? Несколько лет потом не велел обоим Полуехтовым являться пред государевы очи. И всё.

В 1484 году в Москву пришел донос, что в вечно беспокойном Новгороде состоялся заговор – именитые люди вступили в тайную переписку с польским королем Казимиром IV. Арестовали тридцать человек, которые под пытками дали показания. Однако уже на эшафоте все они стали просить друг у друга прощения за оговор. И государь отменил казнь.

Однажды государеву брату Андрею Большому, находившемуся в весьма натянутых отношениях с Иваном, шепнули, что есть приказ о его аресте. Перепуганный князь сначала хотел бежать, но потом решил идти к брату и просить пощады. Выяснилось, что Иван Васильевич ничего подобного не приказывал. Нарядили следствие – откуда пошел слух, и вышли на какого-то Мунта Татищева, сына боярского. Тот не отпирался, но говорил, что сказал это, желая пошутить, в частном разговоре, а в дальнейшем распространении сплетни не виноват. За столь опасную шутку, чуть было не приведшую к династическому кризису, Татищева приговорили к отрезанию языка. Однако митрополит стал просить государя пожалеть дурака – и ничего, не отрезали.

Но к старости нрав Ивана III стал делаться круче. Тому способствовало и постоянное желание возвысить звание великого государя, и привычка к бесконтрольной власти, и невероятный рост могущества державы. Впрочем, с возрастом характер портится не только у абсолютных монархов.

Кажется, на стареющего Ивана очень сильно подействовало коварство жены, затеявшей заговор в интересах своего сына. После событий 1497–1498 годов великий князь стал невозддержан в питии. Герберштейн пишет: «За обедом он обычно пил так много, что засыпал. Все приглашенные сидели тогда в безмолвии, сильно напуганные».

В историю под прозвищем «Грозный» вошел Иван IV, которого, однако, при жизни так никто не именовал – эпитет пристал к Ивану Васильевичу-младшему посмертно. А вот Ивана III нарекли Грозным еще современники, ибо в последнюю пору правления он сделался скор на расправу и безжалостен. Тот же Герберштейн рассказывает, что женщины чуть не падали в обморок от государева взгляда; придворные трепетали перед ним.

И неудивительно.

Казни и пытки на Руси стали обычным явлением. Никто, даже представители высшей аристократии, не могли чувствовать себя защищенными от Иванова гнева, если уж князь Рязанский, давний соратник государя и природный Рюрикович, лишился головы (всего лишь, как я уже писал, за «высокоумничанье»). А несколькими годами ранее другого князя, Ивана Лукомского, заподозренного в умысле на жизнь монарха, предали изуверской казни – сожгли в клетке на льду Москвы-реки вместе с соучастником, польским агентом.

В пожилые годы Иван Васильевич почему-то выказывал особую жестокость по отношению к врачам – возможно, помнил, как они угробили его родителя: лечили от сухотки (болезненной худобы, которая могла быть вызвана чем угодно) при помощи прижиганий трутом и спровоцировали гангрену.

Наследник престола Иван Молодой мучился «камчугом» (то ли ревматическими болями в ногах, то ли какой-то кожной болезнью). Иноземный лекарь Леон, венецианский еврей, самоуверенно заявил, что берется излечить князя, а если не справится – готов ответить головой. «Сей медик более смелый, нежели искусный» (по выражению Карамзина) прикладывал какие-то «сткляницы» с горячей водой, и вскоре Иван Иванович умер. Очень возможно, что причина была вовсе не в припарках, но тем не менее голову, которой Леон поручился за успех, безжалостно отрубили – да не сразу, не сгоряча, а благочестиво дождавшись сороковин.

Еще печальней история другого иностранного врача, Антона Эренштейна, героя известного романа Ивана Лажечникова «Басурман». Этого немца, своего лейб-лекаря, государь «одолжил» татарскому князю Каракуче, однако Эренштейн с задачей не справился и важного пациента «умори за посмея» (то есть по неосторожности). В виде утешения Иван выдал сыну покойного Каракучи горе-эскулапа на расправу. Татары были не прочь взять с немца хорошую компенсацию, однако великий князь, более жестокий, чем они, требовал крови. Делать нечего – татары отвели беднягу под мост и там зарезали «как овцу».

Перед самой смертью у полупарализованного Ивана Васильевича вдруг возник порыв проявить милосердие к родному внуку, бывшему соправителю Дмитрию, безо всяких вин томившемуся в темнице. Великий князь велел привести юношу, но помиловать его не успел – испустил дух, и несчастного Дмитрия немедленно отправили обратно под замок. Впрочем, если бы Иван каким-то чудом поправился бы, он, несомненно, сделал бы то же самое. Государственный интерес для него всегда был выше личной привязанности и жалости.

Наверное, великий государь умирал с ощущением, что свою миссию он осуществил и все долги исполнил – как перед державой, которую привел к процветанию, так и перед династией: сыновей он оставил более чем достаточно. Все они, правда, были недаровиты, но у властного человека, привыкшего подавлять волю окружающих, редко вырастают сильные сыновья.

Московский государь

Русь в 1462 году

Когда двадцатидвухлетний Иван после отца занял московский «стол», Русь формально еще была вассальной по отношению к Орде страной, к тому же разделенной на несколько автономных территорий. Московское великое княжество бесспорно первенствовало среди них по размерам и могуществу, но имелись и четыре других немаленьких княжества, Тверское, Рязанское, Ярославское и Ростовское (причем три первых тоже именовались «великими») плюс три богатых торговых республики (Новгород, Псков, Вятка). Кроме того, по меньшей мере половина древних русских земель принадлежала Литве.

Русь была разделена не только границами; разные ее части имели принципиальные отличия в политическом устройстве. В еще сохранявшихся, но доживавших последние дни региональных княжествах оно было традиционным: со слабой княжеской властью и сильным боярским влиянием. В Москве способ правления был монархическо-аристократическим, с постепенным усилением первого элемента и ослаблением второго. Купеческие вольные города являлись демократиями, где настоящая власть принадлежала торговой элите, однако всякое решение нуждалось в одобрении народного веча. В литовской половине Руси форма правления была аристократической: монарх не мог передать трон по наследству, а избирался радой, и его власть стеснялась множеством ограничений.

Между областями страны существовали и серьезные культурные различия, которые в значительной мере определяли особенности политического строя. Если Москва и остальные четыре великорусских княжества образовались из прежних ханских владений и несли на себе отпечаток двух с лишним веков сильного татарского влияния, то Новгород ордынским духом был почти не затронут и сохранил изначальную русскость; западная же Русь чем дальше, тем сильнее полонизировалась и латинизировалась.

Столица, то есть город, в котором находился Иванов «стол», располагалась в опасной близости от границ с недружественными соседями. В ста с небольшим километрах к югу, по Оке, приходилось держать заставы от татар; на таком же расстоянии, только с западной стороны, уже за Можайском, начинались литовские владения. Площадь земель, принадлежавших Москве, составляла не более четверти территории, которую великорусское государство займет по завершении первичной централизации, к началу XVI века.

При этом Иван Васильевич даже в собственном княжестве не был единственным хозяином – большие куски земли входили в состав удельных княжеств, совершенно самостоятельных в своей внутренней жизни. Таких вассальных владений в 1462 году насчитывалось пять: четыре принадлежали родным братьям государя и одно – двоюродному дяде Михаилу, князю Верейскому.

Русь в 1462 г. С. Павловская

Таким образом, основателю «второго» государства предстояло решить несколько насущных задач:

- Присоединить независимые русские княжества и республики.
- Разрушить или хотя бы ослабить удельную систему в самой Московии.
- Возродить суверенитет, то есть окончательно избавиться от ордынского диктата и обеспечить новой стране международный статус, соответствующий ее размерам и силе.
- Но важнее всего было осуществить дело трудное и небывалое: создать принципиально иную государственную систему, потому что прежними методами объединенной Русью управлять было бы невозможно. Менять надо было всё: структуру власти, финансовые механизмы, социальные отношения. Как осуществить эту многокомпонентную программу, никто за отсутствием опыта не знал, да, кажется, объединитель и не очень сознавал всю сумму потребностей такого государства, до самого конца пытаясь управлять им как очень большой вотчиной.

Итак, цели, стоявшие перед Иваном III, имели разную степень сложности. К достижению каждой он двигался основательно, без спешки. Иногда какая-то вроде бы не слишком головоломная задача решалась долгие годы, но это великого князя, кажется, особенно не заботило. Он не жалел ни времени, ни сил, если можно было обойтись без лишних затрат и кровавых конфликтов.

Вот почему процесс объединения и государственного обустройства великорусских земель продолжался всё долгое княжение Ивана Васильевича, и завершать некоторые дела пришлось уже преемнику, Василию III.

Что же касается проблем организационно-структурных, то, как мы увидим, многие из них так и остались неразрешенными вплоть до самого финала «второго» русского государства.

Великий государь и самодержец

Для достижения всех этих трудных целей была необходима абсолютная полнота власти, а ею молодой князь поначалу далеко еще не обладал. Само представление о том, что один человек может неограниченно распоряжаться делами княжества, было каким-то *нерусским* – так правили в Золотой Орде, но не на Руси. Возвышение Москвы произошло чуть ли не в первую очередь благодаря тому, что князь во всем опирался на бояр, а они стояли за него стеной, не раз спасая династию от гибели. Боярская дума была чем-то вроде кабинета министров или высшего государственного совета, без одобрения которого не принимались никакие важные решения. В случае военной опасности государь не мог обойтись без полков, которые приводили под его знамя вассалы, удельные князья, да и у знатнейших бояр тоже были собственные дружины.

Государев двор был устроен очень просто. Придворного церемониала, по-видимому, еще не существовало. Никакой особенной сакральностью фигура великого князя окружена не была. Большие бояре вели себя с ним довольно независимо, и государю нужно было проявлять в отношениях со знатью осторожность. Любой вельможа имел право, оскорбившись, отбыть со всей челядью к другому владыке, при этом еще и сохранив свои вотчины.

В Москве и во всей стране была свежа память о том, как всего полтора десятилетия назад отец Ивана, изгнанный из собственной столицы, униженный и искалеченный, скитался по Руси, моля о помощи других князей и прося убежища у богатого Новгорода.

Однако к концу княжения Ивана III положение монарха поднялось на такую небывалую высоту, что для страны с подобным устройством власти вошло в обиход новое название «государство» – как производное от слова «государь», то есть нечто, принадлежащее одному-единственному человеку. Мы видели, что Иван Васильевич относился к собственной семье как к государственному институту, однако верно и то, что государство он тоже рассматривал как подчиненную ему большую семью – не в том смысле, что любил своих подданных (он и родственников-то не особенно жаловал), а по принципу взаимоотношений. Русский государь был патриархом, «отцом»; все остальные жители страны – его «детьми». В патриархальной семье отец руководствуется не законом, а собственными представлениями о правильности, главным же достоинством детей считается беспрекословное послушание. Отец-государь лучше знает, а если в чем ошибся, то ответит не перед народом, а перед Богом. (В разделе, посвященном царствованию Ивана Грозного, мы увидим, до каких эксцессов могло довести подобное представление о государстве.)

Возвеличивание монархической власти, стоявшей в 1462 году сравнительно невысоко, а к началу XVI века уже поражавшее иностранцев своими масштабами, было процессом постепенным и складывалось из нескольких компонентов.

Иван III не придавал большого значения внешней пышности, если только она не давала какой-то практической пользы. Ему, кажется, было не столь важно, какой у него на голове венец – пускай скромный великокняжеский, лишь бы обладать настоящей властью. Германский император Фридрих III, искавший в русском правителе союзника против турок, однажды предложил ему королевскую корону, но Иван Васильевич отказался от громкого титула, который поставил бы его вровень с соседними сюзеренами – шведским, польским, датским королями. Принять корону из рук императора означало бы признать себя ниже чужеземного владыки, да и в статусе упомянутых выше королей, с точки зрения московского властителя, ничего завидного не было. Для него было важно называться «государем всея Руси», хотя это звание было не констатацией факта, а скорее декларацией о намерениях.

Титул «государя всея Руси» (тогда писали и говорили «господаря») мелькал в грамотах московских князей и прежде. Впервые он стал

употребляться еще в первой половине XIV века – по аналогии с митрополитами всея Руси, перенесшими свою резиденцию в Москву. Однако Иван III, поставивший «всерусскость» на первое место в официальной формуле своего титулования («Божией Милостью [а не волей хана или какого-то там императора] Государь Всея Руси»), имел в виду нечто иное и совершенно конкретное: претензию на русские земли, находившиеся во власти Литвы. Соседний монарх именовал себя «великим князем литовским и русским», и в Литве московское новшество очень не понравилось. Впоследствии все дипломатические переговоры с польско-литовским государством будут начинаться с ритуального препирательства о «величании».

Другой титул, введенный в употребление Иваном Васильевичем, был не менее сущностным: самодержец. Так он стал называть себя, когда освободился от номинального подчинения Орде, то есть, с юридической точки зрения, стал державствовать сам, однако был здесь и второй смысл, более амбициозный. «Самодержец» – это точный перевод греческого «автократор», одного из титулований константинопольских цесарей. Выбор, сделанный Иваном в пользу византийской, а не западноевропейской атрибутики (не «король», а «автократор») был совершенно неслучаен.

С тех пор как византийская патриархия признала верховенство Рима и уж тем более после падения Константинополя, в православной части христианства возникло ощущение «беспастырства», появилась потребность в новом политическом и религиозном центре. Этот запрос совпал по времени с резким усилением Москвы и ее освобождением от вассальной зависимости. Московские государи были богаты, сильны и твердо стояли за разделение церквей. Понемногу возникало и оформлялось предположение – поначалу вполне фантастическое – о Москве как центре новой империи, притом *главной* империи, преемнице Византии, которая, в свою очередь, была преемницей античного Рима. Концепция «Второй Византии» и «Третьего Рима» будет создана уже после Ивана III, но основы ее закладывались при нем.

Примечательно, что Москву в этой амбиции поощряли и европейские государства. Для австрийцев и итальянцев самой большой проблемой была Османская империя, а Русь могла бы открыть против турок «второй фронт», ударив по ним с севера. Известно, что еще в 1473 году Венецианская республика в официальном послании Ивану Васильевичу признала за ним права на византийское наследство. Чуть раньше, во время переговоров о замужестве Зои Палеолог, и Святой Престол всячески соблазнял московского государя политическими перспективами этого брака. Подобные посулы ни к чему не обязывали, да и невозможно было представить, что Русь, татарская данница, сможет когда-нибудь отобрать Константинополь у самого могущественного владыки тогдашнего мира. Всё, чего хотели итальянцы, – ослабить натиск султана на Средиземноморье. Не отнесся всерьез к этому журавлю в небе и практичный Иван Васильевич. (В главе, посвященной русской дипломатии, я расскажу, как благоразумно он держался по отношению к турецкой державе.)

Однако сама идея о моральном и, возможно, даже юридическом праве на преемство по отношению к Восточно-Римской империи в Москве очень понравилась.

Еще во времена Герберштейна возникла версия о том, что хитрая «грекиня» Софья умела манипулировать своим мужем и что это именно она побудила его мечтать о «новом Риме». На самом же деле русская имперская идеология зародилась во враждебном государыне лагере Елены Волошанки, вдовы Ивана Молодого. Там группировались умники и книжники, мыслившие далеко и высоко. Один из предводителей этого кружка митрополит

Зосима в 1492 году (по русскому летоисчислению это был особенный год, 7000-й от сотворения мира) опубликовал сочинение, в котором рассчитывал пасхалию на тысячу лет вперед и прославлял Ивана как «новаго царя Константина», а Москву – как новый Царьград.

После победы в династическом споре (как мы помним, недолговечной) именно сына Елены впервые в русской истории венчали по царскому, то есть императорскому чину, при том что Дмитрий потомком василевсов не являлся. Однако с первой попытки новый титул не прижился. Его принижало то, что соправитель-внук находился в подчинении у деда, великого князя, а вскоре «царское» звание было окончательно скомпрометировано опалой Дмитрия. Более удачливый наследник Василий, по примеру отца, останется всего лишь великим князем.

500-летняя эволюция российского двуглавого орла

Зато на Руси сразу прижился двуглавый орел, геральдическая эмблема византийских василевсов. Происхождение этого символа восходит еще к временам древнего Шумера. Есть предположение, что тамошние жители действительно видели орла-мутанта и, разумеется, усмотрели в его появлении некий знак свыше. Странная птица долгие века кочевала из страны в страну, использовалась разными династиями и знатными родами. На печатях Византии она появилась с XIII века, позаимствованная с герба Палеологов.

В лесной стране Московии ни горных, ни степных орлов не водилось, поэтому символ выглядел вдвойне экзотическим. Раньше на московских великокняжеских печатях изображался «ездец», то есть всадник – Георгий, поражающий змея. Византийская птица впервые встречается на государственной печати 1497 года, то есть в тот самый момент, когда принималось решение о наречении наследника цесарем. Совпадение, конечно, не было случайным.

С тех пор государственный герб России неоднократно видоизменялся. Орел становился всё пышнее, обвешивался разными дополнительными атрибутами, то поднимал крыла, то опускал, был то в одной короне, то в двух, то в трех, то – при Временном правительстве – оставался с непокрытыми головами и с пустыми лапами. В XX веке при советской власти ненадолго (в историческом масштабе времени) исчез, теперь возродился вновь, и почему-то опять с короной, скипетром и державой, хоть страна является республикой, а не монархией.

Заседание Боярской думы в начале правления Ивана III. И. Сакуров

Влияние Софьи на облик самодержавной власти, вероятно, проявлялось не на идеологическом, а на декоративном уровне. Царевна вряд ли могла помнить двор василевсов – она отправилась в изгнание ребенком, да и к 1453 году от прежнего константинопольского великолепия мало что осталось, но, конечно, как это обычно бывает с такого рода эмигрантами, девочка росла под рассказы о былом величии Палеологов. Деревянная, ненарядная Москва должна была после Рима показаться принцессе некрасивой, а простота кремлевских обычаев – неприличной. Честолюбие второй супруги и ее ностальгия по византийской церемонности совпали с устремлениями Ивана, стремившегося возвыситься над своим окружением, но вряд ли знавшего, как это сделать.

С появлением Софьи при великокняжеском дворе возникает сложный «чин». Всякий выход государя обставляется целым ритуалом; приближенным становится не так-то просто получить доступ к монарху, и от них начинают требовать проявлений сугубой почтительности. Великому князю теперь целуют руку; по византийскому образцу выстраивается иерар-

хия придворных чинов: конюший, постельничий, ясельничий, кравчий и т. д. Прием иноземных послов отныне превращается в целый спектакль, демонстрацию силы и богатства русского государя.

Заседание Боярской думы в конце правления Ивана III. *И. Сакуров*

Дистанцирование самодержца от боярства достигалось не только посредством его возвеличивания, но – что было не менее действенно – и за счет принижения, умаления знатных родов. Упоминавшаяся выше «грозность» Ивана III в последний период правления, наверное, строилась, как всё у этого властителя, на холодном расчете. Именно с этой поры особенностью московской внутренней политики становится унижение высшей аристократии. Требовалось «поставить на место» тех, кто еще недавно был так близок к трону. Разумеется, в те времена и европейские монархи нередко умерщвляли вельмож, которыми были недовольны, однако на Западе казни аристократов обычно обставлялись некоторой «почтительностью» – считалось, что подрывать авторитет «благородного сословия» перед «чернью» опасно для общественного порядка. В Москве, начиная с Ивана III, на это смотрели совершенно иначе. Князей и бояр, даже церковных иерархов предавали и публичному поношению, и унижительной смерти, и позорной «торговой казни» – то есть били на площади кнутом. Возникает обычай, согласно которому даже самые родовитые люди, обращаясь к высшей власти, должны были писаться не полным именем, а уничижительно: не «Иваном», а «Ивашкой», не «Дмитрием», а «Митькой» и так далее. Обязательной формулой для всех стало называние себя «холопом» великого государя. В этом, собственно, и заключался главный принцип взаимоотношений монарха с подданными, позаимствованный «вторым» русским государством у Орды: все без исключения жители страны, вне зависимости от поло-

жения, званий, богатства, являлись «холопами» государя и находились в полной его воле, не защищенные никакими законами. Понятие собственного достоинства, обычно сопряженного с сословной привилегированностью или личными заслугами, в этой системе координат отсутствовало. Более того, как мы увидим, дойдя до эпохи Ивана IV, те из вельмож и архиереев, кто пытался свое достоинство отстаивать, навлекали на себя самые жестокие кары. Такое по-азиатски, по-ордынски бесцеремонное отношение к аристократии сохранялось у царей долго после краха «второго» русского государства, окончательно уйдя в прошлое и сменившись «европейской» благопристойностью лишь в начале XIX века, при Александре Первом, запретившем позорить дворян телесными наказаниями. Перед этим, в течение трехсот лет, понятие «достоинства» у русских аристократов ассоциировалось лишь с занимаемым положением. Достоинство повышалось исключительно по милости верховной власти, которая точно так же могла любого человека достоинства и лишить. Подобная исторически сложившая трактовка этого термина зафиксирована словарем Даля: «Достоинство – стоимость, ценность, добротность, степень годности; сан, звание, чин, значение». Там же дается пример словоупотребления: «Он достиг высоких достоинств» – в виду имеется не нравственное самоусовершенствование, а удачная карьера.

Единственный великий

Самой насущной из задач, стоявших перед Иваном Васильевичем в начале его княжения, было присоединение других русских княжеств, полностью зависимых от Москвы и слабых, но всё еще обособленных. С каждым из этих владений Иван действовал по-своему, в зависимости от ситуации. Не торопился, зато обходился без кровопролития – всего один раз был вынужден прибегнуть к силе оружия, однако до сражения дело не дошло.

Начал он, в первый же год по восшествии на престол, с беспомощного Ярославского княжества: вынудил тамошнего великого князя и мелких князей бить ему челом о принятии в подданство, на службу. При этом все ярославские князья остались владеть своими землями, но уже в качестве вотчин, пожалованных государем, то есть сравнивались по положению с московскими «служебными» князьями.

С Ростовским княжеством десятилетие спустя произошло еще проще. Правящее семейство, обеднев, в 1474 году продало Ивану свою независимость и тоже влилось в состав московского боярства.

С двумя крупными княжествами, Тверским и Рязанским, пришлось обойтись иначе.

Пока была жива первая жена Ивана, тверская княжна Мария Борисовна, продолжал действовать договор, в свое время заключенный между родителями супругов. Тверской великий князь Михаил, шурин Ивана, неукоснительно выполнял все обязательства и послушно водил дружину куда прикажет Москва, однако ее требовательность всё возрастала.

В конце концов Михаил Борисович попробовал заручиться поддержкой Литвы. Он женился на внучке Казимира Литовского и заключил с ним союз. Иван III только этого и ждал. Он направил на Тверь свои полки, и тверскому князю, не имевшему возможности сопротивляться, пришлось каяться, просить мира. Иван Васильевич редко съедал добычу в один прием, стремясь не доводить противника до крайности, пока не истощит все его силы. Поэтому он оставил Михаила Борисовича в Твери, однако тот должен был отныне именовать московского государя «старшим братом», отказаться от литовского союза и вообще от права на какие-либо внешние сношения без разрешения Ивана.

После этого тверские бояре стали массово переходить на московскую службу, что еще больше ослабило Михаила. В том же 1485 году всё и закончилось. Москвичи перехватили то ли подлинное, то ли фальшивое послание тверского князя к Казимиру, и Иван снова засо-

бирался в поход. Михаил Борисович слал гонцов, пытаясь оправдаться, но великий князь ничего не хотел слушать – пришло время окончательно аннексировать Тверь. Последние сторонники князя переметнулись к Ивану, после чего Михаилу оставалось только бежать в Литву, откуда он уже не вернулся.

Так закончилась независимость Твери, которая в предыдущем столетии соперничала с Москвой и чуть было не одержала над ней верх.

С Рязанью устроилось тихо и мирно. Иван выдал за тамошнего князя Василия Ивановича свою сестру Анну, женщину умную, ловкую и осторожную. Овдовев, она во всём слушалась старшего брата, рачительно управляя своими владениями. Никаких поводов для недовольства Ивану она не подавала и сумела передать земли сыновьям. Один из них умер бездетным и завещал свою половину княжества дяде Ивану Васильевичу; вторая половина до смерти государя формально в состав московского государства не входила, однако без каких-либо осложнений присоединилась к нему несколько позже, в правление Василия III.

Возможно, Иван Васильевич потому и довольствовался до конца своих дней титулом великого князя, что это звание на Руси теперь звучало иначе, чем в прежние времена. На обширной территории от Балтики до Уральских гор и от северных морей до южных степей остался один-единственный великий князь – московский.

Конец торговых республик

Главный прирост территорий, однако, Москве дали не соседние княжества, а торговые республики, которые властолюбивый объединитель прибирал к рукам одну за другой.

О присоединении сильнейшей из них, Господина Великого Новгорода, речь пойдет в отдельной главе – это была целая эпопея, изменившая облик государства; она сопровождалась масштабными событиями, боевыми действиями и массовыми репрессиями. Две другие республики, Псковская и Вятская, доставили Ивану III меньше хлопот.

Про Вятку красочнее других историков высказался Карамзин: «Малочисленный ее народ, управляемый законами демократии, ...сделался ужасен своими дерзкими разбоями, не щадя и самых единоплеменников. Вологда, Устюг, Двинская земля опасались сих Русских Норманов столько же, как и Болгария: легкие вооруженные суда их непрестанно носились по Каме и Волге».

Первоначально это действительно была разбойничья вольница, далекая новгородская колония, основанная ушкуйниками, речными пиратами, и с конца XII века отделившаяся от метрополии. Будущий город Вятка тогда назывался Хлыновым. Хлыновские жители разбогатели на торговле с окрестными лесными народами, от которых получали меха и другие ценные товары, однако не меньше прибыли Вятской земле (по названию реки Вятки) приносили набеги и грабительские походы. Этот задиристый и непокорный народ со всеми ссорился и, пользуясь отдаленностью, часто оставался безнаказанным. Вятчане воевали и с черемисами, и с татарами, и с новгородцами, и с Москвой, охотно участвовали в чужих сварах, если это сулило богатую добычу. На Руси их часто называли «хлыновскими ворами». Республика управлялась вечем; князей, в отличие от Новгорода и Пскова, здесь никогда не бывало. Иногда Вятка признавала верховенство того или иного постороннего властителя – то суздальских или московских князей, то ордынских ханов, но всякий раз с легкостью отказывалась от вассальных обязательств.

Новгородские ушкунники за работой. *Лицевой летописный свод*

Республика могла существовать до тех пор, пока сохранялась возможность балансировать между тремя основными силами этого региона – Москвой, Казанью и Новгородом.

Когда же Иван III одолел сначала Новгород, а затем Казань, время речной торгово-разбойничьей республики закончилось. Вятчане, кажется, не понимали, в каком опасном положении они оказались, и имели неосторожность разозлить Ивана Васильевича сначала набегом на Устюг, принадлежавший Москве, а затем строптивым отказом участвовать в очередном государевом походе против Казани.

Тогда, в 1489 году, развязав себе руки, Иван отправил на Хлынов войско, численность которого была больше всего вятского населения. И республики не стало.

История покорения Хлынова дает представление о характере средневековых вятчан, в котором дерзость сочеталась с прагматичностью. Сначала государь, очевидно, не желая тратиться на дорогостоящее военное мероприятие, попробовал действовать через митрополита Геронтия, который увещевал вятчан покориться и угрожал отлучением от церкви. Эта перспектива республику не испугала. Тогда к стенам города подступила рать под началом князя Данилы Щени, одного из лучших московских полководцев. Воевода потребовал капитуляции и выдачи трех вожakov – Ивана Аникиева, Пахомья Лазарева и Палки Богодайщикова. Хлыновцы сказали, что подумают. Думали два дня и ответили, что своих не выдают. Должно быть, понадеялись на крепость стен.

Щеня начал обстоятельно готовиться к приступу: весь город обнесли плетнем. Увидев эту зловещую картину, означавшую, что убежать никому не удастся, хлыновцы воевать передумали: капитулировали безо всяких условий и вождей своих выдали. Расчет, несомненно, был на то, что рать рано или поздно уйдет, и всё пойдет по-прежнему.

Но к этому времени Москва уже выработала самый надежный способ аннексии новых территорий. Ивана Аникиева, Пахомья и Палку, разумеется, повесили, но тем дело не ограничилось. Всех состоятельных и сколько-нибудь заметных вятичей с семьями увели вглубь русских земель и расселили по разным местам, а в Хлынов поставили наместника и перевели московских людей, не испорченных вольным духом. Вятка стала обыкновенной провинцией.

Псковская республика обособилась от Новгорода еще в середине XIV века. Наместников сюда назначала Москва, но их власть являлась номинальной. Все важные решения принимало вече, которое здесь было не ширмой для истинных хозяев (церковной верхушки, боярства и богатого купечества), а худо-бедно работающим инструментом управления. Республика торговала и с Западом, и с Русью, славилась развитыми ремеслами и даже чеканила собственную монету, что в те времена считалось признаком могущества и независимости.

Однако, в отличие от новгородцев, псковитяне не имели сильной армии. Когда Москва решила лишить республику вольностей, защищаться было нечем.

Впрочем, псковитяне и не пытались сопротивляться, трезво рассудив, что от этого выйдет только хуже. Они безропотно поддержали Ивана в его борьбе с Новгородом, стали принимать от Москвы наместников не как в прежние времена, когда сами выбирали, кого пригласить, а тех, кого дадут. Наместников Иван III им давал отвратительных – сплошь грубиянов, вымогателей и насильников. Вероятно, расчет был на то, что псковитяне взбунтуются и тем самым дадут повод к аннексии.

В 1476 году в городе действительно вспыхнул мятеж. Как это обычно случается, хватило мелкой искры, чтобы полыхнул давно копившийся гнев. Вернее, хватило кочана капусты. Слуга московского наместника князя Ярослава Оболенского без спроса взял с воза кочан капусты и начал кормить

княжьего барана. Затеялась ссора, перешедшая в драку, а потом в настоящий бой. Летописец пишет, что пьяный Оболенский велел стрелять по толпе. Были жертвы.

После этого вече изгнало наместника, но он без приказа Москвы никуда не уехал. Дело шло к дальнейшему кровопролитию, которое, несомненно, закончилось бы для псковичей скверно. Спасло их очередное обострение московско-новгородских отношений. Государю Новгород был важнее Пскова, поэтому Оболенский был отозван, а псковитян простили, потому что опять нуждались в их помощи.

Когда нужда отпала, Иван прислал нового наместника еще хуже предыдущего, но город терпел. Тогда великий князь вернул в Псков князя Оболенского. Но испуганные участием Новгорода псковитяне больше уже не восставали, а только слали в Москву униженные жалобы. Воля города к сопротивлению была сломлена.

В общем, с Псковом получилось, как с Рязанью. Полностью отказавшись от всяких претензий на самостоятельность, республика на какое-то время продлила свое существование. Иван Васильевич оставил эту доходную и послушную землю в покое, более не покушаясь на ее обычаи, превратившиеся в пустую проформу. И точно так же, как Рязань, псковская область без каких-либо осложнений вошла в состав московского государства при Василии III.

Не особенно громким по сравнению с другими прибытками, но исключительно важным в исторической перспективе событием стало распространение московской власти на совсем уж дальние северо-восточные земли, полудикие и по большей части безлюдные: Пермь и Югру.

Русские миссионеры и промысловики начали проникать в этот регион в XIV веке. Местные князьки принимали христианство, заводили торговлю с Русью. Новгород считал, что эти огромные просторы принадлежат ему, Москва не соглашалась, однако по сути дела спор шел о контроле над несколькими небольшими городками, разбросанными вдоль лесных рек. Ценность представляла не земля, которой здесь было сколько угодно, а право добывать пушнину и собирать (ею же) дань с туземных племен.

В 1470-е годы московские войска немного повоевали со строптивым коми-пермяцким князем Михаилом, чтобы показать, чья теперь сила, но затем Иван Васильевич, по своему обыкновению, довольствовался временной мерой: вернул княжение Михаилу при условии покорности. Из вассального княжества в обычную русскую область Пермь превратилась уже в начале XVI века.

В 1499–1500 годах на Югру – за Урал, к нижнему течению Оби – отправилась небольшая московская рать. Поставили на реке Печоре крепость, а местных князей, по пермскому примеру, сначала как следует припугнули, потом разрешили жить по-прежнему, но уже на положении русских данников.

Это был первый шаг к, пожалуй, самому грандиозному событию российской истории – освоению гигантских просторов и богатств Сибири.

Судьба удельных княжеств

Проблема упразднения удельных княжеств, принадлежавших близким родственникам Ивана III, была гораздо сложнее внешних аннексий – не столько технически, сколько династически и политически, а также, выражаясь современным языком, с репутационной точки зрения. Особенных эмоциональных затруднений у холодного Ивана Васильевича она,

похоже, не вызывала, однако церковь осуждала несправедливость монарха по отношению к членам собственной семьи как большой грех, да и обществу такое поведение не нравилось. Когда-то на Руси считалось, что государством правит весь княжеский род и великий князь – лишь первый среди равных. Еще не стерлись из памяти воспоминания о «лествичном восхождении», то есть наследовании от старшего брата к следующему, как по ступенькам лестницы. Главная же опасность заключалась в том, что всякий семейный раздор был чреват смутой в государстве и ослаблял его монолитность.

Вот почему Иван III отнимал у братьев их земли, терпеливо подгадывая удобный момент, а если момент не наступал, то не брезговал и провокациями.

Хотя по завещанию Василия Темного львиная доля страны оказалась в личном владении старшего сына, младшим тоже достались немалые территории.

Юрий Васильевич сидел в Дмитрове, Андрей Васильевич Большой (то есть старший) – в Угличе, Борис Васильевич – в Волоке-Ламском, Андрей Васильевич Меньшой – в Вологде. Был еще двоюродный дядя Михаил Андреевич Верецкий, кроме Вереи владевший и Белозером. Удельные князья не имели права затевать собственные войны и вести внешнеполитические сношения, но во внутреннем управлении были самостоятельны, каждый имел свой двор и свое войско.

Пока сохранялось такое положение дел, великое княжество не являлось полностью единым. Централизованное государство, которое создавал Иван III, не могло строиться по «федеративному» принципу. С точки зрения государя, каждое удельное княжество было нарывом на теле государства, и он «выдавливал» эти нарывы, подчас прибегая к коварству.

В этом смысле примечательна история «Верецкого саженья» – пример того, что Иван отлично умел имитировать эмоциональность, когда это было ему выгодно.

До поры до времени государь держал семью дяди Михаила Андреевича в чести и даже возвысил ее, позволив княжичу Василию жениться на греческой царевне Марии, племяннице Софьи Палеолог. На свадьбу государыня подарила невесте «сажень» – расшитое драгоценными камнями украшение. Этот вполне обычный поступок имел не менее роковые последствия, чем придуманная Александром Дюма коллизия с подвесками королевы.

В 1483 году, когда родился первый внук, Иван Васильевич решил пожаловать невестку Елену Волошанку дорогим подарком и «вспомнил», что в сокровищнице было красивое саженье. Вполне возможно, что Елена, враждебная Софье, нарочно попросила именно эту вещь; не менее вероятно и то, что великий князь отлично знал, что саженье уже подарено. Так или иначе, государь впал в гнев, преувеличенно негодуя из-за того, что драгоценность входила в приданое его первой супруги Марии Тверской. Особенным кощунством он счел то, что саженье перед дарением было, по заказу Софьи, переделано ювелирами.

Не очень понятно, в чем тут заключалась вина верейского княжича, но государев гнев не обязан утруждаться резонами. Василий Михайлович и Мария в страхе бежали за границу, в Литву, что отлично устраивало Ивана Васильевича. Через несколько лет, после смерти старого князя верейского, Иван забрал его земли себе. Беглецов впоследствии простили – оказывается, не так уж сильно на них государь и гневался. Но княжество, конечно, не вернули.

Однако Верейские были родственниками относительно дальними. С родными братьями столь бесцеремонно Иван обойтись не мог.

Гладкие отношения у него были только с погодком Юрием Васильевичем Дмитриевским – тот ни в чем не перечил старшему брату и, что еще важнее, не имел потомства. К тому же Юрий рано умер – в 1472 году. Его удел Иван целиком забрал себе, что привело остальных братьев в негодование – по обычаю полагалось каждому что-то дать из этого наследства.

Осторожный Иван, как обычно, стал решать проблему поэтапно. Поделится наследством, но в обмен выговорил, что впредь все выморочные земли будут поступать в государственную казну целиком. Таким образом, братьям пришлось отказаться от старинного и очень важного династического права.

Следующий кризис, более серьезный, разразился семь лет спустя. Братья помогли Ивану справиться с Новгородом, где великий князь захватил несметное количество земель, а делиться с родственниками не стал. Самый младший, вологодский Андрей Меньшой, тихий нравом и к тому же сильно задолжавший Ивану, стерпел, а двое средних взбунтовались.

Андрей Большой и Борис Волоцкий объединили силы, обратились за помощью к литовскому Казимиру и принялись грабить селения Новгородчины и Псковщины (всякая княжеская смута выливалась в мародерство, потому что иначе нечем было содержать войско). Действовали мятежники вяло, на Москву идти не решались, однако момент для бунта был выбран очень удачно. Как раз в это время Иван ждал большого татарского нашествия и не мог допустить раскола в русском лагере.

При необходимости великий князь умел и смирять гордыню. Он поспешил замириться с братьями и дал каждому отступного, причем Андрей Большой получил богатое Можайское княжество. На этом этапе победа осталась за удельными, однако Иван Васильевич не торопился.

Наведя порядок в тылу, он отбил от татар. Еще через год умер бездетный Андрей Меньшой, оставив все свои владения старшему брату – остальным, согласно уговору 1472 года, ничего не досталось.

Десять лет спустя, когда положение великого князя окончательно упрочилось, настало время рассчитаться с самым строптивым из братьев, Андреем Большим, за былые вины, тем более что к ним прибавилась и новая – углицкий князь отказался послать свое войско в помощь крымскому хану, Иванову союзнику. Поначалу казалось, что это сойдет Андрею с рук, но государь лишь усыплял бдительность брата, чтобы тот не вздумал спастись бегством.

Великий князь подождал несколько месяцев, никак не проявляя недовольства. Наконец, успокоенный Андрей Васильевич осмелился явиться в Москву и был принят радушно, по-родственному. Братья душевно поговорили.

Назавтра гостя с почетом позвали на обед к государю. Иван встретил брата и его приближенных в небольшом зале с красноречивым названием «западня». Мирно разговаривали, пока Ивана вдруг не вызвали по какому-то неотложному делу. Он попросил Андрея подождать здесь, ибо хочет сказать ему что-то наедине, а свиту отправить в трапезную.

Углицкий князь остался в одиночестве, не зная, что его бояре уже арестованы. Когда с этим было покончено и никто уже не мог прийти Андрею на помощь, в «западню» вошли московские знатные люди и, почтительно всхлипывая, объявили: «Государь князь Андрей Васильевич! Пойман ты Богом да государем великим князем Иваном Васильевичем всея

Руси, братом твоим старшим». Потом клянущегося в своей невинности князя посадили в темницу. В Углич снарядили отряд схватить его сыновей – и тоже заточили.

Все владения Андрея Большого перешли к старшему брату, а сам Андрей, протомившись в тюрьме два с лишним года, умер.

За грех братоубийства – а именно так расценили это событие современники – государю пришлось публично каяться и молить церковь о прощении тяжкой вины. Церковь государя, конечно, простила, а удельное княжество осталось за казной.

Последний из еще живых братьев великого князя Борис Васильевич Волоцкий в то же самое время, осенью 1491 года, получил вызов в Москву и уже прощался со свободой, но его спас общественный ропот из-за участи Андрея Большого. Вероятно, лишь благодаря этому Борис смог не только мирно дожить до кончины (он умер в 1494 году), но и передать свои земли сыновьям. Государь не препятствовал этому, поскольку племянники были бездетны – дядя не разрешал им жениться. После смерти их владения были безо всяких проблем отписаны на великого князя.

Удельная эпоха в ее прежнем виде заканчивалась.

Арест Андрея Большого. И. Сакуров

«Закрепощение» боярства

Еще труднее, чем удельных князей, было приучить к новому государственному устройству московскую аристократию – боярство. В конце концов, удельных княжеств было немного и они находились на отдалении от Москвы, а бояре окружали престол – да он, собственно, их поддержкой главным образом и был крепок. Бояре в известном смысле и являлись государством, управляя всеми его военными и гражданскими делами.

Следует учитывать еще и то, что с ростом территорий и могущества Москвы численный состав аристократического сословия всё время увеличивался. К старинным московским родам прибавлялась знать присоединенных княжеств, татарские мурзы и русско-литовские православные магнаты, переезжавшие на Русь. Многие хотели служить богатой и могущественной Москве, которая щедро наделяла пришельцев вотчинами и подарками. Даже скупой Иван III на это расходов не жалел.

Сильное и многочисленное боярство, с одной стороны, являлось залогом мощи государства; с другой стороны, оно цепко держалось за свои традиционные привилегии и противилось укреплению абсолютизма. Тоталитарная власть не совместима с понятием о каких-то незыблемых правах подданных, кем бы они ни были.

И самой опасной, самой неприемлемой для Ивана привилегией боярства было закрепленное обычаем право на отъезд. С древних времен повелось, что всякий родовитый человек мог по собственному желанию перейти на службу к другому правителю, не только забрав с собой дружину, слуг и имущество, но и сохранив в собственности свои вотчины. Это не считалось изменой.

Московские великие князья охотно переманивали вассалов у небогатых соседей, однако для Ивана III, готовившегося превратить бояр из верных помощников в покорных холопов, сохранять старинную привилегию было недопустимо: обиженные и ущемленные слуги повалили бы от него толпами.

Поэтому Иван понемногу начал ограничивать право отъезда. Впервые это произошло в 1474 году, когда служебного князя Даниила Холмского заставили дать письменную клятву никогда московского государя не покидать. Впоследствии подпись на таких «крестоцеловальных» грамотах стала обязательной.

Непосредственным поводом для описанного выше восстания братьев-князей, которое случилось в такое опасное для страны время, накануне татарского нашествия, было именно покушение Ивана на право боярского отъезда.

Служебный князь Иван Оболенский-Лыко, обидевшись на государя (в 1479 году такое еще случалось), переехал от него к Борису Волоцкому, что было совершенно в порядке вещей. Ненормальной была реакция великого князя. Он потребовал, чтобы Оболенский вернулся. Борис с возмущением отказал. Тогда московские ратные люди взяли отъехавшего силой и доставили обратно в Москву.

Неслыханное покушение на старые порядки заставило и без того обиженного Бориса взяться за оружие. К нему присоединился негодующий Андрей Углицкий. С ними было до 20 000 людей – большая сила, а тут еще из степей на Русь пошел хан Ахмат.

Мы уже знаем, что Иван Васильевич помирился с братьями, дав им волостей, однако он не был бы собой, если бы не извлек пользу и из этой тяжелой ситуации. Взамен за земли братья согласились на новый порядок: теперь бояре могли отъезжать лишь от меньшего князя к великому

и ни в коем случае не наоборот. Эта новация была важнее волостей, которые потом все равно достались государю.

Пресечение боярского «отъезда» имело огромное значение для укрепления самодержавной власти. По сути дела, это означало, что аристократия утрачивает личную свободу, будучи привязана к службе и государственной милости.

Движение к крепостному праву началось с высших слоев общества: первыми «крепостными» – намного раньше, чем крестьяне – стали знатнейшие люди государства.

«Новгородский» период

В первый период правления Ивана III ему пришлось решать задачу, к которой на протяжении веков безуспешно подступались многие владими́ро-суздальские, а затем московские великие князья: покорение Новгорода. Без упразднения богатой и могущественной купеческой республики, без присоединения ее земель, занимавших половину всей восточной Руси, никакого объединенного государства возникнуть не могло бы.

Подробно о жизни и внутреннем устройстве Господина Великого Новгорода было сказано в I томе, поэтому здесь я ограничусь лишь перечислением причин, по которым древняя вече́вая республика, потерпела поражение в борьбе с молодым государством диктаторского типа.

Во-первых, при всем своем богатстве Новгород не обеспечивал себя зерном – состоятельные граждане часто не хотели заниматься сельским хозяйством, которое не могло конкурировать по прибыльности с торговлей, да и природно-климатические условия были неблагоприятны. Хлеб закупали в соседних русских областях, и всякое обострение отношений приводило к продовольственной блокаде.

Во-вторых, по верному суждению Карамзина, «падение Новгорода ознаменовалось утратою воинского мужества, которое уменьшается в державах торговых с умножением богатства, располагающего людей к наслаждениям мирным». Иными словами, республика привыкла решать все проблемы при помощи денег, а не оружия. У нее не было ни военного опыта, ни хорошо обученной армии. В случае опасности новгородцы могли собрать многочисленное ополчение, но оно было плохо вооружено и недисциплинировано; единственным по-настоящему боеспособным подразделением был «владычный стяг» – полк тяжелой кавалерии, содержавшийся на средства архиепископской казны.

Третья причина заключалась в анахроничности вече́вой демократии. Время средневековых республик на Руси закончилось. Государство, в котором не было единства и всякое решение принималось лишь после долгих споров и проволочек, не могло противостоять агрессии со стороны державы, управлявшейся по принципу военного лагеря.

В общем, как выразился тот же замечательный Карамзин, «хотя сердцу человеческому свойственно доброжелательствовать Республикам, основанным на коренных правах вольности», приходится признать, что в XV столетии наиболее эффективной государственной системой для Руси была самодержавная монархия постордынского типа.

Отношения республики с Москвой испортились, когда Новгород дал убежище Шемяке, заклятому врагу Василия Темного. В 1456 году, то есть еще во времена соправительства Ивана Васильевича, москвичи воевали с новгородцами и нанесли им тяжелое поражение, но тогда республика отделалась выплатой контрибуции и очередным формальным признанием власти великого князя. Василию II этого было достаточно, однако его преемник вознамерился окончательно решить новгородскую проблему.

Стратегическую операцию, которую осуществил Иван Васильевич, можно разделить на несколько этапов.

Сначала он в открытый конфликт не вступал, подрывал республику изнутри, раскалывая новгородское общество.

В городе издавна существовала сильная партия, ориентированная на Москву. В основном это были торговцы зерном и та часть купечества, кто возил товары на восток, через русские земли. Московскую партию поддерживали городские низы, так называемые «молодшие» или «черные» люди, которым был жизненно необходим дешевый хлеб.

Новгородское вече. В. Худяков

Вторая партия главным образом состояла из бояр, боявшихся московского абсолютизма, и купцов, торговавших с Европой. Эту фракцию поддерживали «житыи люди», то есть домовладельцы, новгородский средний класс. Естественным союзником для антимосковских сил была недалёкая Литва, поэтому вторая партия называлась «литовской».

Ну и, как водится, большинство населения постоянных политических пристрастий не имело и легко поддавалось манипулированию с обеих сторон, присоединяясь то к одному лагерю, то к другому.

Новгородская церковь, могущественный и баснословно богатый институт, лишь формально подчиненный московской митрополии, занимала половинчатую позицию, что в конце концов, в момент решающего столкновения, сыграло роковую для республики роль.

В 1460-е годы, на этапе политической борьбы за популярность, московская партия, несмотря на свои сильные позиции, потерпела поражение, потому что противоположную сторону возглавил сильный лидер – Марфа Борецкая, пожалуй, самая яркая женщина русского средневековья.

К сожалению, о ранней жизни Марфы мало что известно. Даже ее отчество указывают по-разному. Она происходила из новгородского боярского рода, дважды побывала замужем; ее сыновья от первого брака трагически погибли в море. Вторым мужем Марфы был посадник Исаак Борецкий (поэтому ее обычно называют «Марфа Посадница»). В остальной Руси в эту эпоху повторный брак у женщин был редкостью, но в Новгороде «слабый пол» не считался слабым и обладал гораздо большей свободой.

Ко времени описываемых событий Марфа была уже очень немолода. Она снова овдовела, имела взрослых сыновей, внука. Борецкие были

богачейшим новгородским кланом, владели обширными угодьями, вели торговые операции. Один из сыновей Марфы, Дмитрий Исаакович, в 1471 году, вслед за отцом, стал посадником, но истинной душой и головой «литовской партии» была мать. У нее хватало предприимчивости и средств, чтобы обеспечить себе поддержку большинства новгородцев. Интересно, что двумя другими активными фигурами антимосковской оппозиции тоже были женщины, боярские вдовы Анастасия и Евфимия.

В 1470 году Марфа пыталась провести в архиепископы своего кандидата, и если бы это удалось, итог противостояния мог бы получиться иным. Но владыкой стал Феофил, ориентировавшийся на митрополию.

Тогда Марфа вступила в переговоры с Казимиром IV о присоединении Новгорода к Великому княжеству Литовскому с сохранением автономии, прав и привилегий республики. Был подписан союзный договор, гарантировавший Новгороду военную помощь.

От того, к которой Руси – восточной или западной – присоединится богатый новгородский край, зависело, вокруг какого центра будет собираться новое русское государство: Москвы или Вильно?

Иван III понимал это лучше, чем его литовский соперник, и развил активную деятельность, в то время как Казимир в основном бездействовал.

Сначала великий князь заручился поддержкой Пскова, через земли которого пришлось бы идти литовскому войску. Затем Иван собрал большую рать и в начале лета 1471 года выступил в поход.

Так начался второй этап борьбы за Новгород – военный.

Москва и ее союзники, псковитяне и тверичи, шли на Новгород с разных сторон, опустошая и разоряя селения, безжалостно расправляясь с пленными. Когда Иван Васильевич считал, что противника нужно запугать, он умел быть жестоким. Пленникам отрезали носы и губы, после чего отпускали восвояси. Страшный вид обезображенных людей и рассказы о сожженных деревнях должны были вселить в новгородцев ужас.

Марфа Борецкая. Фрагмент картины К. Лебедева

В городе действительно начались беспорядки, и московская партия попыталась воспрепятствовать организации сопротивления, но Марфа Борецкая и ее сторонники взяли верх. Было собрано огромное войско (если верить летописям – сорок тысяч человек), но это всё были обычные горожане, не выдавшие боев, причем многие – насильно мобилизованные.

Незадолго перед тем новгородцы, «сей народ легкомысленный» (Карамзин), рассорились с присланным из Литвы военачальником князем Михаилом Олельковичем, и тот ушел вместе со своей дружиной. Республика осталась без главнокомандующего и без профессиональных воинов. Архиепископ, тяготевший к Москве, тоже не позволил своему «владычьем» биться с законным государем.

Хуже всего для новгородцев было то, что Казимир, вопреки договору, на помощь так и не пришел – не захотел пробиваться с боями через Псковщину. Он предпринял вялые попытки договориться с Ливонским орденом, чтобы тот пропустил войско через свою территорию, но из этого ничего не вышло.

А события между тем развивались быстро. 15 июля 1471 года небольшая, но хорошо оснащенная и закаленная в боях великокняжеская рать под командованием Даниила Холмского, лучшего из московских полководцев, наголову разбила новгородское ополчение у реки Шелони.

Армии стояли на противоположных берегах небольшой и неглубокой реки. Москвичи не атаковали, поскольку их было меньше. Это придало

новгородцам храбрости, но они переругались между собой: переходить реку или нет. «Владычий стяг» стоял отдельно и в битве участвовать не собирался.

Увидев, что враг бездействует, князь Холмский перешел в наступление. Какое-то время шла сеча, и новгородцы держались – даже начали теснить москвитян к реке, но в это время с фланга ударила конница касимовского хана, великокняжеского вассала.

Началась паника. Новгородцы побежали. Латная архиепископская конница могла бы одним ударом переменить ход сражения, но так в него и не вмешалась.

Очевидно, выполняя заранее данный приказ, победители долго преследовали и убивали бегущих. Летопись говорит, что пало двенадцать тысяч новгородцев и всего тысяча семьсот попали в плен. Это побоище было намеренной акцией устрашения.

В плен попал и посадник Дмитрий Борецкий. Его и еще нескольких захваченных предводителей «литовской партии» казнили.

После этого разгрома боевой запал республики иссяк. Сначала новгородцы затворились было за стенами, готовясь обороняться, но владыка Феофил вновь сыграл роль «чужого среди своих»: уговорил город поклониться государю.

На этом война, продолжавшаяся всего полтора месяца (невероятный срок для тех медлительных времен и немалых русских расстояний), завершилась.

Пока литовцы собирались да готовились, всё уже закончилось.

Безусловно, Иван III был более способным вождем, чем Казимир, однако дело не только в личных качествах двух этих монархов. В данном случае проявилось одно из бесспорных преимуществ «ордынской» государственности: литовскому великому князю для похода требовалось заручиться поддержкой аристократии и просить денег на расходы; московскому великому князю было достаточно приказать.

После ужасного кровопролития и разорения следовало ожидать очень жестких условий замирения, но Иван Васильевич оказался неожиданно милостив. Он всего лишь заставил Новгород раз и навсегда отказаться от попыток сменить подданство да взял контрибуцию в пятнадцать с половиной тысяч рублей – не такую уж тяжкую для богатой республики. Репрессий не было, вече тоже осталось нетронутым.

Иван III не торопился. Он очень хорошо понимал, что одной военной победы мало – Новгород проигрывал сражения и прежде. Не удержусь, снова процитирую Карамзина: «Великий Князь мог бы тогда покорить сию область; но мыслил, что народ, веками приученный к выгодам свободы, не отказался бы вдруг от ее прелестных мечтаний».

Летом 1471 года государь сначала продемонстрировал новгородцам, как он бывает грозен, если против него бунтуют, а затем – насколько он милостив, если ему покоряются.

В течение последующих нескольких лет Иван постепенно внедрял в сознание новгородцев идею о том, что твердая власть лучше «прелестных мечтаний». Это очень интересный эпизод: возможно, первый пример эффективного использования политических технологий на Руси.

По древнему обычаю, сохраненному и в новом договоре, великий князь имел право вершить суд над новгородцами, но лишь в том случае, если сам находился в городе. «На Низу [то есть на Руси] новгородца не судить» – так формулирует этот закон С. Соловьев. Иван на эту «старину» не покушался, но в 1475 году, побывав в Новгороде, так искусно и справедливо разрешил множество накопившихся тяжб, что местным жителям это чрезвычайно понравилось. В городе, поделенном на враждующие фракции, добиться беспристрастного суда было трудно, а великий князь выглядел инстанцией посторонней и потому непредвзя-

той. У него даже можно было сыскать управу на произвол «больших» людей – например, он снял и заменил посадника, которым были недовольны простолюдины.

Популярность московской власти после этой удачной «пропагандистской акции» невероятно возросла, но существеннее было другое: с этого момента новгородцы, желающие справедливости, стали сами ездить в Москву за судом – ждать, когда государь снова соизволит посетить северо-западные земли, они не хотели. Фактически вышло, что теперь появился суд инстанции более высокой, чем свой собственный. Еще важнее была перемена, произошедшая в общественном мнении, которое прониклось убеждением, что «правда в Москве».

Весной 1477 года произошло одно маленькое событие, повлекшее за собой грандиозные последствия.

Среди многочисленных новгородских челобитчиков, приезжавших в Москву, оказались два вечевых чиновника средней руки: подвойский Назар и дьяк Захар. Вече их к Ивану Васильевичу не посылало – вероятно, они отправились с каким-то частным прошением. И вот, обращаясь к великому князю, эти двое называли его не «господином», а «государем». Между двумя этими формулами существовала принципиальная разница. Доселе во всех документах республика и монарх были юридически равноправными сторонами: «господин великий князь» и «господин Великий Новгород». «Государем» Ивана называли только те, кто признавал себя его «холопами», то есть находился в безоговорочном подчинении.

Москва немедленно сделала вид, что считает чиновников официальными послами от веча и запросила у Новгорода разъяснений: верно ли великий князь понял, что, называя его «государем», республика соглашается переменить свой статус?

Из Новгорода, разумеется, ответили, что ничего подобного они и в голове не держат. Тут у Ивана Васильевича, который умел делаться обидчивым и ранимым, когда ему было выгодно, появился отличный повод оскорбиться. Он собрал войско и выступил в поход.

Историки так и не решили, как интерпретировать историю с ошибочным титулованием. Возможно, чиновники просто переусердствовали в лъстивости, но вероятнее, что они принадлежали к «московской партии» и это была сознательная провокация, к тому же, не исключено, заранее согласованная с великокняжеским двором.

Дойдя до Новгорода, Иван осадил его и потребовал, чтобы республика стала такой же частью государства, как другие области: без посадников, без веча, без особенных привилегий.

После Шелонского разгрома воевать новгородцы уже не смели; многие горожане были не против того, чтобы начать жить «по-московски»; наконец, к покорности призывал и владыка Феофил.

После долгих споров, продолжавшихся шесть дней, новгородцы приняли все требования и принесли Ивану III присягу как своему государю.

Вече было упразднено, знаменитый колокол увезли в Москву в качестве трофея. В январе 1478 года Новгородская республика прекратила свое существование.

И опять обошлось без репрессий. Иван лишь выслал из города заклятых врагов Москвы – бояр Борецких во главе со знаменитой Марфой (сведения о дальнейшей судьбе которой противоречивы: то ли ее умертвили по дороге, то ли заточили в монастырь и она дожила там до глубокой старости).

Отправка Марфы Посадницы и вечего колокола в Москву. А. Кившенко

Но и это еще был не конец. Любые присяги мало что значили, у Новгорода сохранялась главная его сила – богатство, а в городе оставались пусть притихшие, но несомненно дожидавшиеся реванша враги Москвы.

В конце 1479 года положение Ивана сделалось опасным: назревала война с ордынским ханом, а родные братья государя, Андрей Большой и Борис Волоцкий, затевали мятеж. В это время до великого князя дошло известие, что в Новгороде возник заговор – «литовская» партия ведет тайные переговоры с Казимиром. (Неизвестно, так ли это было на самом деле, либо же Иван со своей всегдашней предусмотрительностью решил нанести превентивный удар, чтобы в ожидании большой войны обезопасить тыл.)

Так или иначе великий князь действовал быстро и решительно. С небольшой дружиной (всего 1000 воинов) он направился якобы к Пскову, в то время воевавшему с Орде-ном, – сам же повернул к Новгороду. Главные силы под предводительством Ивана Молодого, с артиллерией и обозами, шли сзади.

Перед лицом столь явной угрозы в Новгороде возобладали сторонники прежних вольностей. Они восстановили вече, выбрали себе посадника. Однако напасть на маленькое войско великого князя, своего законного монарха, не осмелились. Время было упущено, а вскоре подошла вся московская рать. Пушкари начали обстреливать город. Надеяться было не на что.

Новгородцы запросили мира – и вновь, как прежде, Иван потребовал немногого: лишь выдать ему зачинщиков и главарей. Прочих жителей он обещал не карать. Памятуя о прежней мягкости государя, горожане открыли ворота.

Однако теперь Иван Васильевич был намерен окончательно решить новгородскую проблему.

Сначала действительно арестовали всего пятьдесят человек. Но под пыткой они дали показания на многих других, в том числе на владыку Феофила. Того схватили и увезли

в Москву, а огромную казну архиепископии конфисковали. Трудно поверить, что владыка, давний сторонник Москвы, участвовал в каком-то пролитовском заговоре. Вероятнее, что Иван хотел подорвать силу новгородской церкви, ее политическую и экономическую мощь; владыка пал жертвой государственной целесообразности.

Репрессиям подвергся весь высший слой новгородского общества и значительная часть среднего сословия. Сотня бояр, цвет аристократии, были преданы казни. Еще столько же именитых семей насильно увезли в дальние русские земли. Население бывшего вольного города осталось без вождей и без духовного пастыря – вместо него прислали прямого московского назначенца.

Высылка коренных новгородцев продолжалась еще несколько лет. В общей сложности в старомосковские земли было переселено более семи тысяч семей – весьма значительная часть населения города. Вместо них в Новгороде разместили пришлых, «низовских».

Репрессии коснулись и членов «московской» партии – Иван Васильевич решил полностью заменить новгородскую элиту. У землевладельцев отбирали родовые земли и взамен давали на новом месте другие, обычно меньшие и худшие.

Ради того чтобы подорвать силу Новгорода, обычно рачительный Иван III пошел на серьезные убытки: изгнал из города немецких купцов, нанеся большой ущерб торговле. Ослабление потенциального соперника Москвы было важнее.

Это ревнивое, подозрительное отношение к городу, где некогда зародилась русская государственность, сохранилось и у преемников Ивана III. В конце концов, почти век спустя, Иван Грозный, которому была ненавистна память о республиканских вольностях, предал бывший центр торговли такому разорению и надругательству, после которого Новгород надолго превратился в захолустье.

«Татарский» период

Историки много спорили о том, почему Иван III так долго ждал, прежде чем освободиться от ордынской зависимости – пусть номинальной, но унижительной для его монаршего достоинства и для престижа государства. Хотя верховная власть Орды на деле ничего уже не значила, Иван не ездил с поклонами хану, перестал платить ему дань, был намного богаче и сильнее, все же в глазах иностранных государств великий князь продолжал оставаться вассалом «варварского» азиатского царства.

В романтические времена исторической науки преобладало мнение, что тут сказалось влияние Софьи Палеолог: гордая византийская царевна была-де оскорблена положением супруги татарского данника. Но эта версия сомнительна. Во-первых, эмигрантке и бесприданнице, прежде жившей из милости при папском дворе, негде было набраться особенной гордости. Во-вторых, непохоже, чтобы человек склада Ивана Васильевича мог быть подвержен чьему-то влиянию. Ну и наконец, с момента «византийского» брака до разрыва с Ордой прошло целых восемь лет.

На самом деле удивительно другое: почему прагматичный и осторожный Иван вообще пошел на этот шаг, во многих отношениях для него невыгодный.

Государь хорошо умел считать деньги, а для его казны юридическая подчиненность хану была очень прибыльна. В качестве всерусского великого князя Иван III исправно собирал со всех земель «выход», то есть ордынскую дань, однако не отправлял ее татарам, а оставлял в собственной казне. В этом, видимо, и заключалась главная причина, по которой Москва совершенно не торопилась провозглашать независимость.

Кроме того, несмотря на оскудение и внутренние раздоры, в военном отношении татары оставались еще сильны, и затевать с ними большую войну было рискованно. Иван брался за оружие, только когда был полностью уверен в победе, а тут еще неизвестно чем закончилось бы – не повторилась бы история с отцом, которому численное преимущество войска не помешало попасть в татарский плен. Бросать вызов хану, пока за спиной оставался ненадежный Новгород, готовый стакнуться с главным соперником – Литвой, рассудительный Иван не намеревался.

К освобождению от ордынской зависимости великого князя подтолкнули определенные обстоятельства – иначе так называемое татаро-монгольское иго наверняка длилось бы еще сколько-то лет, хотя вряд ли долго. В самодержавном государстве, которое строил Иван, не было места для двусмысленности касательно источника верховной власти: он мог быть только один.

Татарские ханства в середине XV века. С. Павловская

Следует учитывать еще и то, что в 1480 году, когда агрессивность ордынского хана Ахмата вынудила великого князя принимать решение, сложилась ситуация, которой было жалко не воспользоваться. Новгородская республика только что была окончательно сломлена и угрозы больше не представляла, а во втором из враждебных Москве татарских царств, Казанском, началась смута (о ней чуть ниже).

Тем не менее Иван Васильевич, как мы увидим, сильно колебался и был очень недоволен этой вынужденной войной. Он боялся поражения и небезосновательно опасался за свои тылы.

Теперь давайте посмотрим, в каком состоянии в это время находился татарский мир, расколовшийся на части после распада Золотой Орды.

С Русью граничили три ханства. Нижневолжские степи принадлежали так называемой Большой Орде, правопреемнице Золотой Орды и номинальной владычице русских земель. Севернее находилось Казанское царство, подчинившее себе приволжские племена – марийцев, чувашей, мордвинов. На Крымском полуострове и в северном Причерноморье утвердилась династия Гиреев.

Все эти государства враждовали между собой; с каждым из них Иван III вел себя по-разному.

Успех его татарской политики основывался на дружбе и союзе с Крымским ханством, которое он очень ловко использовал то против Большой Орды, то против Литвы. Об истории и значении этого ключевого для Москвы альянса будет рассказано в главе о дипломатии Ивана III.

С Большой Ордой, требовавшей изъявлений покорности и выплаты долгов по дани, хорошие отношения были невозможны, но Иван до поры до времени старался ограничиваться мелкими стычками: так сказать, показывал зубы, чтобы его не трогали.

Казань была слабее, и с ней великий князь вел себя напористей, но в основном обходился средствами политическими – потихоньку подкармливал там партию своих сторонников.

В 1479 году умер казанский хан Ибрагим, и царство погрузилось в смуту: сыновья от одной ханши, Фатимы, схватились с сыновьями от другой ханши, Нур-Султан. Вторая фракция ориентировалась на Москву. В любом случае, удара с этой стороны в 1480 году можно было не опасаться.

Однако перестал опасаться Казани и хан Большой Орды, ему этот момент тоже показался удобным для нападения. Ахмат был сильным военным вождем, который сумел подчинить своевольных татарских мурз и уже двадцать лет правил в своих обширных владениях твердой рукой. Он давно мечтал о возобновлении русской дани. В 1472 году даже попробовал повоевать с Русью и сжег небольшой город Алексин, однако для решительного сражения у него не хватило сил, пришлось уйти.

Теперь Ахмат подготовился более основательно. Он собрал большое войско и, главное, сговорился с Казимиром Литовским о совместных действиях. Кроме того, он наверняка знал, что зимой 1479–1480 годов чрезвычайно обострились отношения Ивана с братьями, Андреем Большим и Борисом.

Мы имеем представление о притязаниях Ахмата по грамоте, отправленной им осенью 1480 года, когда обсуждались условия замирения. Условия были умеренными. Во-первых, хан добивался символического признания Москвой вассального статуса (Иван должен был носить на шапке какой-то «знак Батыя»); во-вторых, выплаты долгов (довольно скромной суммы в 4 200 рублей); и, в-третьих, требовал подвергнуть опале его личного врага, касимовского царевича Даньяра.

То, чего, скорее всего, не было: Иван III топчет «басму». *Н. Шустов*

Одна из самых известных легенд отечественной истории гласит, что разрыву с Ордой был придан торжественно-декларативный характер. Якобы к Ивану III явился татарский посол с требованием поклониться «басме» (ханскому изображению), а великий князь кинул басму на пол и топтал ее ногами.

Эпизод с «топтанием басмы» перекочевал в учебники из «Казанской истории», составленной почти век спустя. Георгий Вернадский предполагает, что автор перепутал басму с пайцзой, ханским ярлыком, поскольку у мусульманского владыки не могло быть никаких портретов, и вообще считает этот драматический эпизод «чистым вымыслом». Правдоподобнее предположение, высказанное еще С. Соловьевым, что Иван Васильевич раз за разом отказывался встречаться с ханскими посланцами и сколько было возможно тянул время.

Эффектные жесты были не в характере великого князя, да и вряд ли он стал бы обострять и без того плохие отношения такой демонстрацией. Войну инициировала не Москва, а Орда.

В начале 1480 года разразился кризис. В тылу у Ивана Васильевича подняли мятеж младшие братья – их войско встало лагерем в Великих Луках; на вассальную Псковскую республику напал Орден; враждебные литовцы готовились к войне; разгромленный Новгород при первом же поражении Москвы мог снова взбунтоваться. Прочитую замечательного исследователя этой эпохи Руслана Скрынникова: «Опасность угрожала Москве с трех сторон. От Мценска к Калуге двигался Ахмат-хан с татарами. Удельные князья могли в любой

момент подойти из Великих Лук. Королю Казимиру принадлежала Вязьма, и его войска могли достичь Москвы за несколько дней».

Но обычно неторопливый Иван III при необходимости умел действовать быстро. Угрозу междоусобной войны он решил, дав отступного, – и братья не только успокоились, но и пришли со своими дружинами помогать против Ахмата.

От литовской опасности Иван избавился при помощи крымских союзников. Они вторглись во владения Казимира с юго-востока, и королю стало не до Москвы.

Но от ордынского войска отбиться можно было только силой оружия, а этого великий князь очень не любил.

Не зная, откуда ждать удара, и осторожничая, он распределил полки вдоль рубежа со Степью. Ахмат двигался параллельно этой оборонительной линии к западу, рассчитывая найти слабое место и заодно надеясь встретиться с войском своего литовского союзника.

Наконец главные силы обеих армий встали напротив друг друга, у реки Угры, недалеко от Калуги. Псковская летопись сообщает, что в русском войске было 180 000 человек, но это, несомненно, сильное преувеличение. По расчетам Р. Скрынникова у Ахмата было 30–40 тысяч воинов, и у русских на Угре примерно столько же, хотя общая численность великокняжеской армии, прикрывавшей московскую территорию с разных направлений, была значительно больше.

Государь держался на безопасном расстоянии от Угры и вообще, как уже было сказано, сильно нервничал, так что это даже вызвало недовольство у москвичей и духовенства. Иван III был выдающимся государственным стратегом, но героя из себя никогда не изображал, и в «Стоянии на Угре», в отличие от, скажем, Куликовской битвы, героического мало. Впрочем, по-настоящему умелый правитель никогда не доводит дело до того, чтобы его народу понадобилось проявлять героизм – последнее, отчаянное средство спасения в критической ситуации.

Если коротко пересказать суть последующих событий, она сводится к следующему. Две рати простояли на месте почти всю осень, то и дело ввязываясь в стычки, но не решаясь затеять сражение. Русским это было не нужно, да и государь не велел; татары боялись форсировать Угру и всё ждали, не придет ли Казимир. Казимир не пришел, у ордынцев кончились припасы, лошади съели весь корм, начались холода – и татары убрались несолоно хлебавши. Так недраматично закончилось двух-с-половиной-вековое татаро-монгольское владычество над Русью.

Однако интересны некоторые подробности «стояния».

О том, как сильно Иван III был напуган ордынским нашествием, свидетельствует некоторая истеричность действий, обычно несвойственная этому хладнокровному, уверенному человеку. Он сам сжег Каширу, чтобы она не досталась татарам (хотя они туда и не пошли); спалил московские посады (то есть весь город за пределами московских стен); отправил жену и государственную казну далеко на Север (что, собственно, и возмутило москвичей); пытался насильно увести из действующей армии и наследника, но Иван Молодой был боевитее отца и наотрез отказался.

Иван Иванович и воевода Даниил Холмский (Шелонский победитель) руководили боем, начавшимся 8 октября и с перерывами продолжавшимся четыре дня. Это была единственная сколько-нибудь серьезная попытка ордынцев переправиться на русский берег. Неширокие броды не давали Ахмату развернуть свою конницу; русские пушки и пищали вели огонь по столпившейся массе татар, и те в конце концов отступили.

Ахмат встал лагерем, сказав, что подождет, пока река покроется льдом.

Приехал из Москвы и Иван Васильевич, но устроил свою ставку на безопасном расстоянии от Угры. Он попробовал договориться с ханом о мире, послав щедрые дары. Ахмат ответил: хорошо, но приезжай сам. Когда великий князь отказался, предложил прислать сына или брата. Потом согласился на простого боярина.

И тут, в конце октября, вдруг ударили ранние морозы, и Угра встала. Памятуя об угрозах Ахмата, Иван велел войскам отступать.

Но татары не стали нападать и по льду. Ахмату воевать тоже не хотелось. Он придумал другое решение. Вместо того чтобы лезть под московские пули и сабли, повернул свое оголодавшее, измёрзшее войско в литовскую сторону – в отместку за неисполнение Казимиром союзнических обязательств. Там, не встречая сопротивления, татары набрали богатой добычи и ушли назад, в степь.

В результате «Стояния на Угре» Иван оказался двойным триумфатором. Он – притом почти без потерь – посрамил Большую Орду, а заодно ее руками наказал другого заклятого врага, Литву.

Однако Ахмату литовские трофеи на пользу не пошли. Точнее говоря, они его погубили.

Слух об огромной добыче вызвал зависть у хана Сибирской (Тюменской) орды Айбека. Он вместе с ногайскими татарами дождался момента, когда Ахмат распустит войско по домам, и напал на ставку. Ахмат был убит, а его сыновья растащили улус на куски.

После этого Большая Орда кое-как просуществовала еще двадцать лет, уже не представляя для Руси никакой угрозы. В 1502 году ее окончательно добились крымцы.

После бескровной победы над Ахматом великий князь всерьез занялся проблемой Казанского ханства. Оно было слабее Большой Орды в военном отношении, но постоянно докучало русскому приграничью разбойничьими набегами и мешало Москве распространять свое влияние на заволжский регион.

Миниатюра «Стояние на Угре». Лицевой летописный свод (© РИА Новости)

Здесь Москве помогли раздоры внутри ханского рода. В 1486 году претендент на престол Мухаммед-Эмин явился к Ивану за покровительством и помощью.

В следующем году всё тот же князь Холмский пошел вместе с «промосковскими» татарами на Казань, осадил ее и вынудил к сдаче. Ханом стал Мухаммед-Эмин, признавший главенство Ивана Васильевича и даже не смевший без его санкции выбрать себе жену. Когда враги свергли московского ставленника (это произошло в 1495 году), великий князь не дал Казани выйти из-под своего контроля и посадил ханом другого удобного ему царевича, Абд-аль-Латифа. Через несколько лет вновь заменил его на Мухаммед-Эмина. Одним словом, начиная с 1487 года Казань никакой опасности для Москвы не представляла. Третье татарское царство, Крым, поддерживало с Русью союзнические отношения. Таким образом, за восток и за юг Иван III мог быть спокоен.

Теперь настало время вплотную заняться западом, то есть Литвой.

«Литовский» период

Вторая Русь

Вся западная половина домонгольской Руси – современные Украина, Белоруссия, а также большой кусок Великороссии от Смоленска почти до Калуги – после Батыева нашествия оказались в зоне «мягкой оккупации» и уже к середине XIV века полностью вышли из-под ордынского контроля. Большая часть этой обширной территории вошла в великое княжество Литовское, а земли бывшего Галицко-Волынского княжества в основном перешли к польской короне. Вследствие этого Западная Русь, в отличие от Руси Восточной, в цивилизационном отношении осталась «частью Европы» – как и Новгород.

Это отличие проявлялось в самых разных сферах, в том числе в государственном устройстве.

Во второй половине XV века, когда в Московии всё больше укреплялся «ордынский» принцип управления, основанный на сильной власти государя, Литва окончательно превращается в ограниченную монархию, где великий князь не может принять ни одного решения без согласия «панской рады» (совета знати). Только так устанавливаются налоги, объявляются мобилизации, провозглашаются законы, которые монарх своей волей изменить не имеет права. К концу столетия, следуя польскому образцу, отвоевала себе существенные права и литовская шляхта – среднее и мелкое дворянство. Великий князь теперь не мог наказывать дворянина без соответствующего судебного разбирательства – концепция, с точки зрения московского государства, совершенно абсурдная. В 1492 году шляхта впервые приняла участие в выборах нового монарха на общелитовском съезде – и в дальнейшем так делалось всегда.

Каждая область Литвы обладала значительной автономией; большие города существовали по Магдебургскому праву, то есть жили по собственным законам, в которые великий князь вмешиваться не смел.

И все же, несмотря на все эти признаки европейского жизнеустройства, в описываемый период Литва была страной по преимуществу русской. Ее монархи называли себя великими князьями литовскими, русскими и жмудскими – и это было не просто титулование.

По расчетам Г. Вернадского, в начале XVI века из четырех миллионов населения Литвы русские составляли три четверти, а ведь к этому времени почти все великороссийские земли уже отошли к Москве – то есть во времена Ивана III пропорция этнических литовцев была еще меньше.

Русославянский язык еще не разделился на три ветви; на нем вплоть до XVI века велась литовская казенная переписка и вершился суд; крупнейшие литовские магнаты были русскими по крови и православными по вере, да и некоторые Гедиминовичи исповедовали «греческую» религию – христианство пришло в Литву поздно и не столько с Запада, сколько с Востока.

Великое княжество Литовское во второй половине XV века. С. Павловская

Нет ничего удивительного в том, что литовские властители – точно так же, как московские – стремились взять под свою руку все русские земли. Долгое время оставалось неясным, кто объединит Русь – Москва или Вильна.

Хронологические рамки этого противостояния намного шире периода, охватываемого данным томом; здесь будут описаны лишь несколько эпизодов «древнего спора славян между собою».

На предшествующем этапе первенствовала литовская Русь. Она была и больше, и сильнее, а главное – она была независимой, в то время как восточнорусские земли выплачивали дань Орде и зависели от прихоти татарских ханов.

В начале пятнадцатого века Литва была по территории самым большим государством Европы, простиравшимся от Балтийского до Черного морей.

При Витовте Великом (правил в 1392–1430 гг.) княжество достигло пика своего могущества. Литва чуть было не подчинила себе самое Золотую Орду.

Во времена Василия Васильевича, отца Ивана III, казалось несомненным, что русские земли воедино соберет Литва, а не Москва. Витовт был одним из регентов при малолетнем московском внуке Василии. Великие княжества Рязанское и Тверское признавали литовского монарха своим государем.

Однако, при видимом преобладании Литвы, уже в то время ее претензии на создание всерусского государства были бесперспективны.

Исторический выбор был сделан в 1385 году, когда литовский великий князь Ягайло ради титула польского короля перешел из православия в католичество. С этого момента латинская вера становится официальной религией государства, литовская знать начинает тяготеть к польским обычаям, а внутри общества, сверху донизу, возникает разрыв между двумя лагерями – польско-католическим и русско-православным. Вот причина, по которой русская, то есть бóльшая половина Литвы неминуемо должна была рано или поздно оказаться в сфере московского влияния.

Королевский двор часто вел себя неосторожно, обижая и антагонизируя русских магнатов, которые вместе с челядью, а то и прямо со всем своим владением уходили в московское подданство.

Во второй половине XV века Москва укрепляется, а ее соседка, наоборот, слабеет. Меняется баланс сил, и Литва превращается из хищника в добычу.

«Вторая» Русь переживала кризис по нескольким причинам.

Во-первых, выгоды династической унии оказались сомнительными. Единым государством Литва и Польша станут только в 1569 году, пока же каждая из стран решала свои проблемы в одиночку. Вернее, королевство часто требовало от великого княжества военной помощи, но само в литовских войнах почти никогда не участвовало.

После смерти Витовта на целое десятилетие растянулся спор о престолонаследии. Наконец победил Казимир, младший сын покойного Ягайло, который в 1447 году стал и польским королем, но это не привело к объединению сил двух государств. В случае войны Литва по-прежнему могла полагаться лишь на собственные средства, к тому же короля постоянно отвлекали от московской угрозы польские проблемы.

Второй причиной была слабость центральной власти, вынужденной постоянно идти на уступки аристократии. Литва представляла собой федерацию полуавтономных княжеств, областей и городов. У великого князя не было собственной армии – за исключением нескольких тысяч наемных «жолнеров», сидевших по крепостям. Во время войны он всецело зависел от того, соберутся ли под его стяг панские полки и шляхетские хоругви. Правда, границу с Крымом охраняли казаки, но мы еще увидим, насколько ненадежной и рискованной была эта сила. Даже при всеобщей мобилизации литовское войско редко насчитывало больше двадцати тысяч человек и почти всегда уступало в численности московскому.

В-третьих, русское население Литвы, подвергавшееся дискриминации и религиозным преследованиям, симпатизировало единоплеменникам и единоверцам по ту сторону границы. Православные князья – Воротынские, Одоевские, Белевские, Мосальские, Мезецкие – один за другим переходили на сторону Москвы.

Казимир не мог силой пресечь эту постепенную «эрозию» своих восточных областей, потому что был все время занят европейскими конфликтами. В 1470-е годы он враждовал с Венгрией, сражаясь за чешское наследство – и из-за этого дал Ивану III беспрепятственно аннексировать Новгород. Единственное, что мог Казимир, – интриговать против Москвы и натравливать на нее Большую Орду, но Иван Васильевич в ответ насылал на Литву крымских татар.

Такая необъявленная война чужими руками продолжалась до тех пор, пока к концу 1480-х годов московский государь не покончил со своими татарскими врагами.

Теперь он был готов взяться за большое дело объединения «всёя Руси», над которой до сей поры властвовал лишь по титулу.

Литовские войны

Как обычно, Иван не спешил. Несколько лет он ждал удобного момента – и дождался. В 1492 году старый Казимир умер. Один его сын, Ян Альбрехт, стал королем Польши; другой, Александр, был избран великим князем литовским. Иначе говоря династическая уния распалась.

И тут уж Иван медлить не стал.

За поводом дело не стало – его давали непрекращающиеся приграничные стычки и религиозные притеснения русского населения. Московский государь объявил себя защитником Руси и православия, собрал большое войско, в очередной раз натравил на литовские земли своего союзника крымского хана Менгли-Гирея – и война получилась такой, как любил Иван Васильевич, то есть с гарантированной победой.

Сам великий князь воевать не пошел, отправил опытных полководцев. Они брали литовские города один за другим, не встречая серьезного сопротивления. Князь Федор Телепень-Оболенский взял Любутск и Мценск; воеводы Василий Лапин и Андрей Истома захватили Хлепень и Рогачев; князь Иван Воротынский оккупировал Мосальскую волость. Еще хуже для Литвы было то, что на Русь потянулись новые перебежчики.

Александру Литовскому, не имевшему сил для войны, пришла в голову идея, которая, должно быть, показалась ему очень ловкой. Он посватался к дочери Ивана III, надеясь, что при помощи этого брачного союза наконец обеспечит себе мир на востоке, и тогда сможет спокойно заняться своими внутренними и европейскими проблемами. Ради такой перспективы Александр даже согласился признать за Иваном титул «государя всея Руси» и отказаться от прав на области, к началу войны фактически перешедшие к Москве. Первая уступка была огромным политическим успехом Ивана III; вторая – тем более, ибо создавала удобный прецедент.

Взамен государь отказался от претензий на Смоленск и Брянск, которые ему все равно не принадлежали, вернул только что занятые и еще не успевшие прирасти к Руси территории – и, конечно, отдал дочь Елену. Правда, планы Ивана Васильевича на этот брак были совсем иные, чем у зятя.

Историю с замужеством Елены Ивановны можно было бы назвать «Использованием Елены Прекрасной в качестве Троянского коня». Брак был оговорен множеством условий: невесту не могли принуждать к перемене веры; ей должны были выстроить собственную православную церковь. Александр, которому очень хотелось побыстрее замирился, легко подписал эти кондиции, вероятно, полагая, что уж как-нибудь договорится с собственной женой без далекого тестя и вообще стерпится-слубится.

Однако не тут-то было. Иван и издали продолжал дотошно и придирчиво следить за тем, как содержат его дочь. Мелочная опека простиралась даже на то, какие прислужницы будут окружать великую княгиню – местные или присланные из Москвы, да в каком платье ходит Елена – упаси боже, не в «польском» ли.

Совершенно очевидно, что Иван III рассматривал женитьбу не как прелюдию к добрососедству, а как предлог для нового обострения отношений.

Елена привыкла повиноваться строгому отцу, она была хорошей дочерью. Однако женой она оказалась тоже хорошей. Судя по всему, этот сугубо политический брак получился вполне удачным. По переписке Елены с отцом видно, что она «из великие беды своя и жалости сердечные» всячески защищает Александра от нападок. Она пишет (цитирую перевод Н. Костомарова): «Ведаешь государь, отец мой, что ты за мною дал и что я ему принесла [имеется в виду, что скупой Иван не дал никакого приданого]; однако, государь и муж мой король и великий князь Александр, ничего того не жалуючи, взял меня с доброю волею и держал в чести и в жаловании и в той любви, какая прилична мужу к своей подруге».

Всё это, впрочем, не имело никакого значения. Вряд ли Ивана интересовало, любит зять его дочь или нет. Требовался предлог для новой войны, как только Москва к ней подготовится. И такой предлог сыскался. К переходу в католичество Елену не принуждали, но никакой православной церкви при дворе, конечно, не построили – католическое духовенство и литовская знать никогда бы такого не стерпели. «Троянский конь» свою роль выполнил.

Елена Ивановна с мужем Александром, изображенные вполне счастливыми. Гравюра XVI в.

В 1500 году началась новая война – из-за надуманных притеснений Елены Ивановны и новых спорных земель, образовавшихся в результате переманивания Москвой приграничных русско-литовских магнатов.

На сей раз у Литвы появился союзник – Ливонский орден, но в военном отношении проку от него оказалось немного; немцы вели себя пассивно. Зато всегдашний союзник Москвы крымский хан Менгли-Гирей принялся активно опустошать украинские земли, совмещая приятное (грабеж) с полезным (укреплением дружбы с Иваном Васильевичем).

С самого начала русскому войску сопутствовал успех. Оно было многочисленнее и лучше подготовилось к боевым действиям.

14 июля 1500 года у реки Ведроши, неподалеку от Дорогобужа, литовский великий гетман князь Константин Острожский, русский и православный, встретился с московской ратью, которую вели боярин Юрий Захарьин-Кошкин (предок будущих Романовых) и князь Даниил Щеня-Патрикеев. Сначала литовцы потеснили русских, но те, следуя старинной, еще чингисхановской тактике, нанесли мощный фланговый удар запасным полком. Разгром был сокрушительным. Литовцы потеряли не только артиллерию и обоз, но в плен угодил и сам великий гетман, который через некоторое время перешел на службу к Ивану III – тяжелый удар для престижа Александра Литовского.

Вторая русско-литовская война 1500–1503 гг. С. Павловская

Некоторое время русские отряды продолжали занимать новые территории, захватив почти все земли древнего Черниговско-Северского княжества. Была еще одна крупная победа под Мстиславлем, были взяты Торопец и Орша. На этом активная фаза войны закончилась, и начались переговоры. Карамзин объясняет внезапное миролюбие Ивана Васильевича возрастными изменениями. «Вообще люди на шестом десятилетии жизни редко предпринимают трудное и менее обольщаются успехами отдаленными», – пишет историк. Но, скорее всего, причина заключалась в том, что, несмотря на большие успехи, на большее у Москвы просто не хватило сил. Осенью 1502 года русские осадили важный город Смоленск, но их орудия оказались недостаточно мощны, чтобы пробить крепкие стены. Пришлось отступить.

Александр отдал большую территорию (по счету С. Соловьева, 19 городов, 70 волостей, 22 городища и 13 сел), но подписал не мир, а всего лишь перемирие, надеясь на реванш. Ивану же оставалось жить недолго. На новые завоевания ни сил, ни времени у него уже не было. Продолжить работу по присоединению западнорусских земель предстояло его наследнику.

Главное противостояние между Русью и Литвой было впереди. Войн будет еще много. Через сто лет после смерти Ивана III построенное им государство рухнет, не выдержав натиска западного соседа. Однако в 1505 году, к концу жизни великого государя, казалось, что перелом в споре восточной Руси с западной уже свершился и что Москва побеждает.

Русь возвращается на карту мира

Военные успехи и рост державы были бы невозможны, если бы не работа московской дипломатии, возникшей при Иване III. В ордынский период русской дипломатии не существовало – у колонии не бывает внешней политики. Московские князья и их посланники очень хорошо умели маневрировать в ханской ставке, играя на противоречиях между татарскими партиями, задаривая ханш и подкупая мурз – подобного искусства вполне хватало.

Однако независимой стране этих теневых и, в общем, рабских навыков было явно недостаточно. Требовалось осваивать незнакомую науку общения с иностранными государствами на равных; требовалось обозначить новое положение Руси – да просто известить мир о возрождении страны, про которую все, кроме соседей, давно забыли; добиваться признания и уважения, заключать военные и политические союзы; приглашать чужеземных мастеров; наконец – налаживать и развивать новые торговые связи. Особенно насущными все эти задачи стали после брака Ивана Васильевича с византийской принцессой и формального разрыва с Ордой. Как пишет Карамзин: «В сие время судьба Иоаннова ознаменовалась новым величием посредством брака, важного и счастливого для России: ибо следствием одного было то, что Европа с любопытством и с почтением обратила взор на Москву, дотоле едва известную; что Государи и народы просвещенные захотели нашего дружества; что мы, вступив в непосредственные сношения с ними, узнали много нового, полезного как для внешней силы государственной, так и для внутреннего гражданского благоденствия».

Что-то у неопытных в международной политике русских дипломатов получалось лучше, что-то хуже.

Привычка к закулисной лавированию и коррумпированию, привнесенная из прежних времен, вкупе с крайней уклончивостью и непрочностью обещаний сохранилась надолго, на столетия. В Европе эту особенность русской дипломатии ошибочно называли «византизмом», хотя на самом деле она являлась генетическим наследием ордынского периода. Недаром покровителем российской дипломатии является святой благоверный князь Александр Невский, выведший Русь из худших времен татаро-монгольского ига исключительно благодаря гибкости и умению приспосабливаться к жестким обстоятельствам.

Однако во времена Ивана III московские послы, раньше хорошо владевшие лишь оружием слабого, начинают постигать правила пользования новым инструментом: силой. Надо сказать, что в исторической перспективе этим вторым, безусловно, важным, но обоюдоострым оружием русская дипломатия толком так и не овладела. Русь, а потом Россия нередко будет пережимать по части силовой дипломатии и тем самым наносить ущерб собственным интересам. При умном и осторожном Иване III подобного не случалось; при его преемниках, как мы увидим, такое происходило довольно часто.

Иван рассматривал дипломатию прежде всего как средство обеспечить перевес перед войной, а еще лучше – добиться своих целей вообще без войны. Таким бескровным образом он одержал не меньше побед, чем при помощи оружия.

По предыдущим главам читателю должно быть уже ясно, что стержнем дипломатии Ивана III были отношения с Крымским ханством. На этом союзе, как на фундаменте, держалась вся стратегия московской экспансии – и в восточном, и в западном направлениях.

Дружба с ханом Менгли-Гиреем (1467–1515, с перерывами) имела для Ивана Васильевича первостепенное значение. Строилась она, конечно, не на личной симпатии (два государя ни разу не встретились), а на общности интересов. У Крыма был тот же главный враг – Большая Орда, а Литва, давняя соперница Москвы, представляла собой удобный и близкий

объект для грабежа. Вот почему Менгли-Гирей всегда так охотно откликался на приглашение повоевать и с Большой Ордой, и с великим княжеством Литовским.

Напомню, что военная помощь Менгли-Гирея спасла Москву в 1480 году во время «Стояния на Угре», когда хан Ахмат тщетно ждал Казимира, отбивавшегося от крымцев. Во время первой русско-литовской войны, в 1494 году, большое татарское войско вторглось на Украину, и эта война на два фронта была одной из главных причин, по которым Александр Литовский запросил мира. То же повторилось и во время второй литовской войны: в 1502 году крымцы атаковали литовские земли, дойдя до Белоруссии. Александр опять был вынужден согласиться на невыгодный мир с Москвой.

В то же самое время, в 1502 году, Менгли-Гирей окончательно добил Большую Орду – то есть достиг той основной задачи, ради которой поддерживал союз с Русью. (Заходя вперед, скажу, что эта победа впоследствии вышла Руси боком: когда у Крыма отпала необходимость в Москве, дружба очень быстро закончилась, но произошло это уже не при Иване III.)

Набег крымской конницы. И. Сакуров

Поддержка великого князя была нужна Менгли-Гирею не только из военно-политических видов, но и для собственной безопасности. Хан захватил власть силой, отобрав ее у старшего брата, и долгое время сидел на троне непрочно. Он дважды был свергнут и возвращался лишь после упорной борьбы. Во всех этих внутритатарских сварах Иван неизменно оказывал помощь своему верному союзнику. Менгли-Гирей даже получил от великого князя письменную гарантию, что в случае поражения обретет убежище в Москве; Иван клялся, что «поднимет его истому на своей голове».

По старой, надежной московской традиции союз требовалось подпитывать подарками и взятками, на которые крымцы были очень падки, поскольку понятие коррупции в ордынской культуре, кажется, вовсе отсутствовало. Послы Ивана III (на эту должность назначали самых знатных людей, обычно бояр) постоянно «прикармливали» царевичей и мурз, делая им подношения соответственно рангу – и друзей у Москвы в Крыму было много.

Вторыми по важности (а начиная с «литовского» периода – первыми) для Москвы были дипломатические отношения со «второй» Русью, и строились они на совершенно иных принципах. Литву Иван III рассматривал как препятствие для объединения русских земель, а литовского монарха – как конкурента на звание «государя всея Руси». Мир и тем более дружба Москве в этот период были не нужны, поэтому русская дипломатия постоянно задирала, провоцирует, торгуется из-за спорных земель и «всерусского» титулования Ивана Васильевича. Даже переговоры о браке Елены Ивановны с Александром очень мало напоминали обсуждение радостного события. Совершенно очевидно, что в эту эпоху, когда Москва была сильна, а Литва слаба, Иван расценивал дипломатию как средство второстепенное и больше полагался на военное преимущество. Послы великого князя на каждом переговоре упрямо заявляли, что «русская земля из старины от наших прародителей – наша отчина», имея в виду *всю* русскую землю. С такой позицией особенного простора для дипломатических маневров не оставалось. Русь и Литва входили в шестнадцатое столетие непримиримыми врагами.

До конца пятнадцатого века в Западной Европе полагали, что Русь – это провинция в польском королевстве, и вдруг узнали, что существует еще другая Русь, которая, кажется, больше, могущественнее и богаче первой (то есть для Европы-то «первой» была литовская Русь, а московская – «второй»). «Можно сказать, что Северо-Восточная Россия, или Московское государство, для западных европейских держав была открыта в одно время с Америкой», – пишет С. Соловьев.

Присоединив Новгород, Москва попадает в круг балтийских держав. Если в прежние времена у нее почти не было контактов со Швецией, Данией и Германской империей, а отношения с Ливонским орденом ограничивались пограничными столкновениями, то теперь Ивану пришлось решать новые трудные задачи. Нужно было закрепиться на море; наладить торговлю с Европой; завести новых союзников и давать отпор новым врагам.

Знаменитый немецкий купеческий союз Ганза в это время пришел в упадок, и Иван закрыл его представительство в Новгороде, потому что, во-первых, хотел лишить беспокойный Новгород богатства, а во-вторых, намеревался вести торговлю с Европой без посредников.

Напротив немецкого города Нарвы, на другом берегу реки, в 1492 году Иван III поставил крепость, в его честь названную Ивангородом. Здесь был построен порт, и началась торговля.

В следующем же году у Руси завелся первый на Балтике союзник – Дания, причем инициатива, кажется, исходила от датчан. У них не было территориальных споров с Русью, поскольку страны находились далеко друг от друга, зато имелся общий враг: Шве-

ция – северный сосед, доставлявший русским множество проблем. Иван охотно помог датскому королю одолеть шведского – великий князь очень любил одерживать победы чужими руками. В 1495–1496 годах московское войско сходило повоевать в шведскую Финляндию, но основные боевые действия происходили на скандинавском театре, где Ганс Датский добыл себе шведскую корону.

Давний недруг, Ливонский орден, к концу XV века одряхлел и ослабел, однако полностью военной мощи не утратил. Всякий раз, когда Москва пыталась разговаривать с ним языком оружия, оказывалось, что орешек пока не по зубам. Но если ливонцы кое-как еще могли отстоять собственные земли, нападать на Русь теперь они смели лишь в союзе с Литвой, предпринимая сравнительно небольшие операции. Магистр выводил хорошую по боевым качествам, но весьма немногочисленную армию.

Завоевание этой хорошо укрепленной многочисленными замками территории в планы Ивана III не входило. При этом он обращался с Орденом довольно пренебрежительно, решая возникающие трения путем переговоров, на которых ливонцам отводилась роль просителей и жалобщиков.

Соотношение сил между Москвой и Ливонским орденом очень хорошо демонстрирует русско-литовская война 1500–1503 годов, которая вообще-то была русско-литовско-ливонской, потому что немцы присоединились к королю Александру. Магистру Вальтеру фон Плеттенбергу показалось, что вместе с сильным союзником он сумеет добиться того, на что не мог рассчитывать в одиночку. Мобилизовав все свои ресурсы, он собрал 15-тысячную армию, хорошо оснащенную пушками и мушкетами. Поначалу ливонцам сопутствовал успех. Они разгромили псковско-московскую рать, обратив ее в бегство шквальным огнем – русские не привыкли к массированному использованию артиллерии. «Была туча велика, грозна и страшна от стуку пушечного и пищального», – сообщает летопись. Затем ливонцы взяли крепость Остров, пользуясь тем, что основные силы Москвы заняты на литовском фронте. Однако на не слишком мощную крепость Изборск у Ордена сил уже не хватило. Истошив силы под ее стенами, поредевшее и ослабленное дизентерией немецкое войско начало отступать. Тут у Ивана III освободилась часть армии, не самая большая, однако вполне достаточная для того, чтобы не только отогнать немцев за границу, но и разорить ливонские земли.

Продолжающаяся война с Литвой не позволила Москве завершить разгром, и через некоторое время магистр явился все к тому же Изборску с новой ратью. Взять крепость немцы не сумели, пошли к Пскову и здесь встретились с главной русской армией под командованием первых московских воевод Даниила Щени-Патрикеева и Василия Шуйского. Несмотря на значительное численное преимущество, русским не удалось опрокинуть ливонцев. Магистр доблестно оборонялся и отбил все атаки. Но потери его были таковы, что после этого Орден в войне уже не участвовал. Обе стороны извлекли из кровопролития уроки: ливонцы – что война с Москвой им не по зубам; русские – что ливонский орешек крепок и лучше пока не пытаться его разгрызть.

Во время переговоров Ивана с литовским зятем магистр тоже прислал своих послов, но они находились в унижительном положении: им пришлось

дождаться заключения мира между «большими державами» и потом соглашаться на условия, обговоренные без ливонского участия.

Самым крупным государственным объединением Европы в то время была Германская империя, столица которой находилась в Вене.

Один из дворян императора Фридриха III (1452–1493), некто Николас Поппель, путешествуя по отдаленным восточным землям, узнал, что за Литвой существует какая-то Московия, и решил туда заглянуть. Это произошло в 1486 году.

Размеры и мощь новой страны произвели на кавалера большое впечатление. Вернувшись, он доложил императору, что на европейской карте появился сильный игрок, которого прежде не было.

Изображение магистра фон Плеттенберга на ливонской монете

Три года спустя Поппель вернулся в Москву уже в качестве полномочного посла из Вены, и между двумя странами в течение нескольких лет происходили весьма оживленные переговоры.

Тут был взаимный интерес. Фридрих III, а потом его сын Максимилиан I враждовали с Польшей из-за венгерского наследства, и союзник на востоке им был очень кстати. Выгоден такой союз был и Ивану Васильевичу.

Договориться не получилось, ибо Фридрих и Максимилиан имели общую черту с Иваном III: тоже любили загребать жар чужими руками. Австрийцы просили прислать им русское войско, обещая великому князю взамен королевский титул. Ивана устраивал его титул, а войско требовалось для собственных нужд.

В конце концов Вена помирилась с поляками, и надобность в восточном союзнике отпала. Дипломатические контакты с Русью надолго прекратились.

В этой австрийско-русской дипломатической торговле был один любопытный эпизод, связанный с попыткой заключения брачного союза. Иван остался равнодушен к королевской короне, но его весьма заинтересовало предложение породниться с императорским домом. Если сам он был женат на принцессе восточной империи и выдал бы свою дочь за принца западной империи, это очень повысило бы статус его державы в глазах соседей.

Император предложил женить своего племянника маркграфа баденского на московской княжне, дочери Ивана. Это показалось великому князю неуместным. Он соглашался минимум на императорского внука, Максимилианова сына. Австрийцы были готовы рассмотреть и этот вариант, но просили показать их послу невесту, да поподробнее рассказать о приданом. Невесту не показали, сославшись на русские обычаи, а приданого Иван давать не хотел. В результате принц женился на герцогине Бретанской, так что Ивана Васильевича подвела скупость, очень развившаяся в нем к старости. Впоследствии великий князь был вынужден отдать заневестившуюся дочь Феодосию (старшая, как мы помним, уехала в Литву) за одного из своих бояр – более престижных женихов уже не появилось.

Максимилиан I. А. Дюрер

Еще одним направлением активных дипломатических связей была Италия: Рим и Венеция. С папским престолом Москва завела деятельные сношения с момента переговоров о женитьбе на Софье Палеолог, Венеция же как морская держава издавна была заинтересована в контактах с восточными странами.

И папе, и дожу Москва была нужна как союзник против главного их врага – Турции. Итальянцы не скупились на лесть и посулы, надеясь, что русский prince ударит султану в тыл и тем самым даст Европе передышку от турецкого натиска.

Иван охотно поддерживал итальянцев в этом заблуждении, поскольку у него был практический интерес, о котором я расскажу чуть ниже, однако с султаном ссориться, конечно, не собирався.

В военно-политическом смысле Турция была для великого князя гораздо важнее итальянских государств. В то время это была самая могущественная – как на земле, так и на море – держава Европы. Она объявила Черное море «девственным», то есть недоступным для немусульманских кораблей. Та же участь, казалось, ожидает и Средиземное море. По счастью для Запада, после воинственного Мухаммеда II на оттоманский престол взошел султан-философ Баязет II (1481–1512), не любивший воевать, и в конфликте случилась передышка, однако баланс сил был явно в пользу Турции.

Иван III завел отношения с султанским двором через своего друга крымского хана, который с 1475 года стал турецким вассалом. Великому князю было важно известить падишаха о своих мирных намерениях, получить от столь великого владыки признание своего титула «государя всея Руси» и обеспечить защиту для русских купцов, торгующих в черноморских землях. Султана северная страна интересовала мало. Он согласился титуловать Ивана, как тому хотелось, купцов обещал не обижать, но никакой особенной близости с Москвой не возникло. Страны пока еще не имели общей границы и, образно выражаясь, смотрели в разные стороны.

Памятник Афанасию Никитину в Твери. С. Орлов, А. Завалов

К началу княжения Ивана III относится удивительная история о путешествии тверского купца Афанасия Никитина в Индию, не имевшая политических и практических последствий, но расширившая представления

русских о далекой стране, про которую в ту пору мало что знали и морские европейские державы. Рассказ Афанасия о поездке «Хождение за три моря» по содержательности и информативности может посоперничать с записками Марко Поло, но сам Никитин называет свое «хождение» грешным: с точки зрения тогдашнего русского человека, путешествия делились на благочестивые, то есть для поклонения святыням, и суетные, то есть затеваемые ради корысти.

В 1468 году Никитин покинул родную Тверь с товарами, присоединившись к каравану московского посланника Василия Папина, который вез девяносто кречетов ширваншаху (правителю Ширвана, царства на территории современного Азербайджана).

С коммерческой точки зрения, предприятие получилось катастрофическим. Сначала на караван напали астраханские татары, причем Никитин лишился всей своей «рухляди». Затем в Каспийском море случилось кораблекрушение, а в конце пути торговые люди были обобраны до нитки. Одни вернулись на Русь, другие остались в Шемахе, а Никитин решил хоть как-то покрыть убытки и в этом тщетном стремлении забирался всё дальше и дальше. Коммерсант из него был никудышный: он не смог выгодно продать единственное свое имущество, жеребца, и не стал закупать в обратный путь ценнейшие товары – перец и красители, решив, что они не нужны.

Зато Никитин вел записки, благодаря чему и остался в благодарной памяти потомства.

Индийцы произвели на Афанасия большое впечатление: «...А все ходят брюхаты, а дети рождаются на всякий год, а детей у них много. А мужики и жонки все наги, а все черны... А жонки ходят голова не покрыта, а сосцы голы; а паропки да девочки ходят наги до семи лет, сором не покрыт». Сам он туземцам тоже показался необычен: «Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются белому человеку».

Обратно путешественник шел через Турцию, про которую, впрочем, почти ничего не рассказывает. В долгой дороге Никитин, кажется, начал подзабывать родную речь, потому что в текст вставлено немало татарских и арабских фраз. Горе-купец умер на обратном пути, в Смоленске, совсем немного не добравшись до родной земли. Его записки попали в Москву, были переписаны в летописи, однако затем надолго забыты и вновь обнаружены лишь Карамзиным.

Потомкам остается только радоваться, что Афанасий был так несметлив на выгоду, иначе он, конечно, вернулся бы много раньше и до Индии не добрался бы.

В правление Ивана III послами в малознакомые страны часто отправляли не русских вельмож, а «иностранных специалистов», которые лучше знали тамошние обычаи. При этом по неопытности Москва часто допускала ошибки, которые приводили к провалу важных дипломатических миссий.

Например, грек Юрий Таранхиот в 1489 году был отправлен ко двору германского императора с оскорбительно недостаточными подарками (сорок соболей да две шубы), что произвело в Вене скверное впечатление.

Брак дочери Ивана и Максимилианова сына провалился не только потому, что великий князь поскупился на приданое, но еще и из-за невыполнимого требования о сохранении невестой православия. Такое было возможно в Литве, где три четверти населения состав-

ляли православные, однако для Габсбургов, опоры католицизма, подобное условие, конечно, выглядело абсурдным.

Дружбы с Турцией не получилось из-за того, что великий князь строго-настрого запретил своему послу кланяться падишаху земным поклоном и вести переговоры с министрами – только напрямую с самим государем. Требование, нормальное при общении с татарскими ханами, для сложного османского церемониала было невообразимо. Султан оскорбился на невежу и обратного посольства не отправил.

Московской дипломатии еще предстояло многому научиться.

Впрочем, все эти вроде бы бесплодные поездки имели немаловажный смысл, потому что затевались не только ради переговоров с чужеземными правительствами, но и для практической надобности. Московские послы активно вербовали в германских и итальянских землях нужных специалистов – всевозможных мастеров, архитекторов, врачей, один раз даже привезли «органного игрока». В этом отношении контакты с Европой вполне себя оправдали. Подробнее об этой стороне деятельности Ивана III будет рассказано в следующей главе.

Русь меняется

Построить государство

За время княжения Ивана III страна Русь не просто сильно изменилась – она *появилась*. Если сравнивать Московию 1462 и 1505 годов, мы увидим совершенно другое государство. Дело не только в колоссальном увеличении территории, населения, доходов и расходов.

Раньше московский монарх делил Русь на «свою» и «чужую». Первую берег, вторую беспощадно обирал под предлогом сбора ордынской дани, а на самом деле для ослабления князей-соседей. Теперь разорять тверскую или рязанскую области стало себе в убыток. Возникла необходимость в создании механизма единого управления большой державой (так формируется центральное правительство) и в выработке унифицированных правил, которыми могли бы руководствоваться представители государя на местах (так появляются первые законы). Важнейшей и насущнейшей потребностью стало содержание общенациональной армии – дело тоже небывалое. Наконец, впервые возникла государственная идеология – стратегический курс, рассчитанный не на ближайшую перспективу, а на поколения вперед. Сначала это было собирание «всей Руси», затем нечто еще более масштабное – концепция «Третьего Рима». Эта новация требовала больших трудов и немалых затрат.

Принципиально иное государство возникло не потому, что так постановил объединитель Иван III. Это был человек осторожный, любивший декларировать приверженность «старине»; он и хотел бы править большой страной по прежнему обычаю, как собственной вотчиной, однако не мог не видеть, что это уже невозможно. Кажется, Иван не столько признавал потребность в преобразованиях, сколько решал возникающие практические задачи одну за другой – и в результате построилось российское государство. Не могло не построиться.

Попытки Ивана Васильевича наладить внутреннюю жизнь, гражданское управление, законотворчество могут показаться неуклюжими и недостаточными. Но ведь опыту строительства большого государства взяться было неоткуда. Единственный известный русским образец, взятый за основу, – ордынский, был хорош только для военной мобилизации да для сбора дани. Учиться всей прочей государственной премудрости было негде. Византийская империя рухнула и примером для подражания считаться не могла. Европейские страны в XV столетии сами проходили науку централизации, кроваво и не всегда успешно.

Когда Иван унаследовал власть, Московское княжество имело две параллельные структуры власти: «общенациональную», ведавшую сбором татарской дани и созывом большого войска с участием вассальных отрядов, – и ту, что ведала собственными владениями великого князя и его дружиной. По мере того как новые территории и удельные княжества переходили в собственность Ивана III, расширялись полномочия не «общенациональной» администрации, что было бы естественно для централизованного государства, а администрации личной, дворцовой. Были и области, в которых осуществлялось двойное управление, что вносило путаницу. (При Иване IV отголосок такого деления на «государевы» и «негосударевы» владения проявится в учреждении Опричнины.)

«Личным» правительством великого князя руководил высший чиновник его двора – дворецкий. Его обширное ведомство делилось на «пути», своего рода департаменты: постельничье (ведавшее внутренней жизнью и в том числе охраной государя), охотничье, конюшенное и так далее – их власть распространялась на всю страну.

Вместе с тем в Московии существовал и высший государственный орган – Боярская дума, совещательный орган при монархе. В думу входили отпрыски знатнейших фамилий,

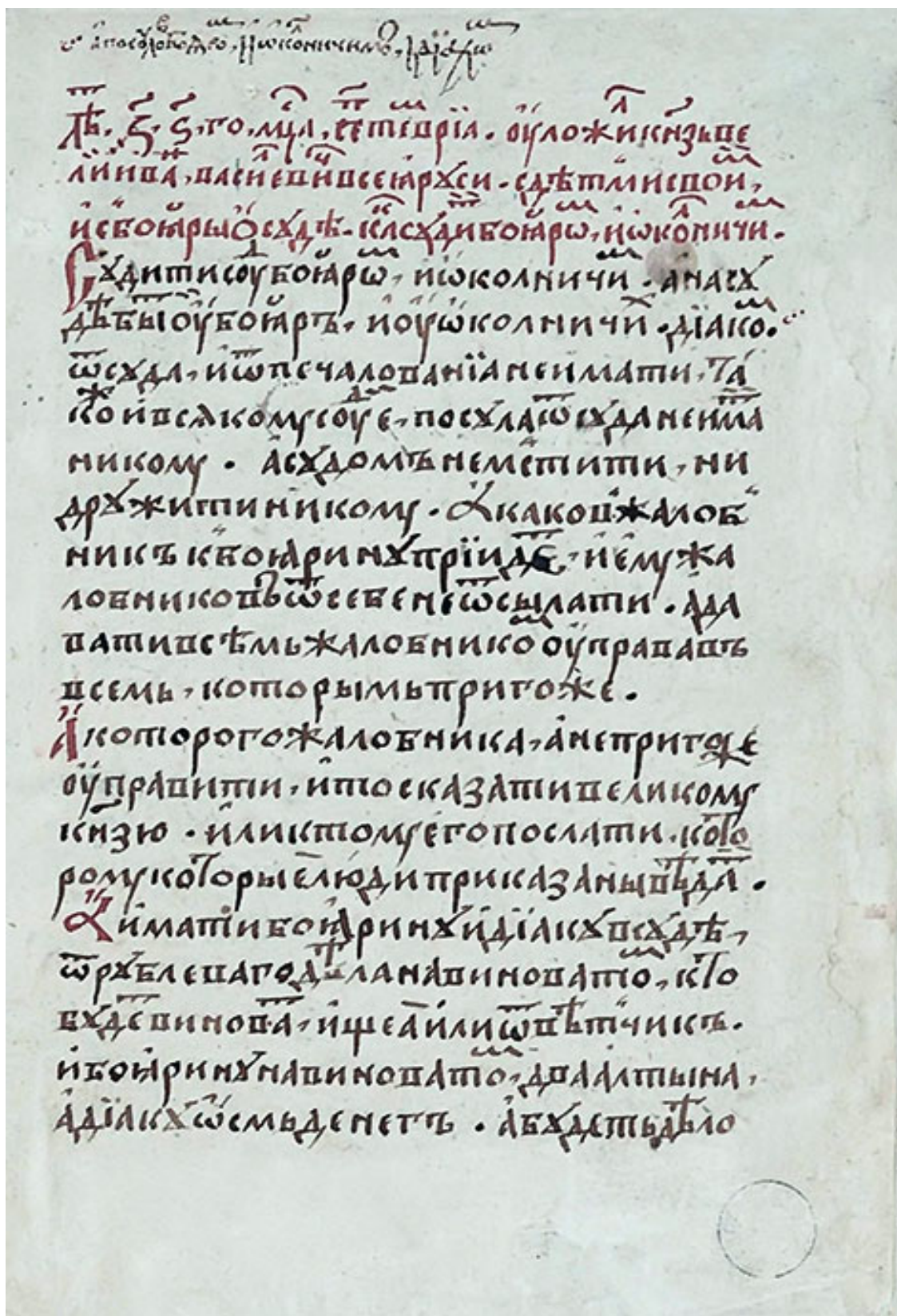
бояре и окольничие (второй по рангу придворный чин). При Иване III этот совет состоял из 10–15 сановников.

На провинциальном уровне государя представляли наместники-волостели. Они должны были вершить суд от имени великого князя и собирать пошлыны. Жалованья эти чиновники не получали – считалось, что они будут «кормиться», оставляя часть денег за собой. Разумеется, при обширности страны и растянутости коммуникаций такая система создавала питательную среду для всякого рода злоупотреблений. Отношение к должности как к источнику «кормления» оказалось на Руси чрезвычайно прочным и пережило несколько государственных укладов.

Так толком и не сформировались «министерства», которые могли бы контролировать отдельные направления государственной жизни из единого центра. Еще не созрела сама идея подобного «профильного» деления полномочий, хотя потребность в ней уже ощущалась. При Иване III возникают первые приказы (хотя само слово вошло в употребление несколько позже) – прообраз министерств, однако сведений о них сохранилось мало. Очевидно, эта система развития не получила. Во всяком случае, она не была всеохватной. Известно, что существовали приказы Посольский, Казенный (финансовый), Разрядный (нечто вроде кадрового управления), потом появились Новгородский и Житный (продовольственный).

В приказах служили незнатные, но грамотные и сведущие люди, из которых образовалось пока еще немногочисленное бюрократическое сословие. Высшие его представители носили чин дьяков и руководили повседневной работой приказов. К концу правления Ивана III влияние дьяков возросло до такой степени, что они создали целую придворную партию, делавшую ставку на Софью Палеолог и ее сына Василия. Как мы знаем, в конце концов Василий и стал преемником, что еще больше усилило значение зарождающегося русского чиновничества.

В условиях столь слабого, несовершенного управления особенную важность приобрела связь между столицей и наместничествами. Здесь Москва переняла опыт Орды, где существовала ямская служба. Иван Васильевич всячески ее развивал. На стратегических маршрутах, ведущих к столице, были учреждены *ямы* со сменой лошадей и запасом фуража. Путешественников из Европы, где почтовой службы тогда еще не было, поражала хорошая организация и быстрота курьерского сообщения на Руси. Известно, что немалое расстояние от Москвы до Новгорода (около 500 километров) гонец преодолевал всего за три дня.

Лист «Судебника» Ивана III

Однако даже при относительно быстрой связи руководить каждой областью из центра было невозможно, да и не во все концы большой страны вели ямские тракты. Нужно было установить единые принципы, по которым наместники могли бы управлять на местах.

Так появились первые общие законы, в 1497 году объединенные в Судебник. Свод получил такое название, потому что в основном касался судопроизводства. Вводились единые правила для всех судов и ведения тяжб. Кроме того, появилось нечто вроде уголовного кодекса с унификацией наказаний по тяжести преступления.

Интересно, что этот кодекс выглядит менее жестоким, чем большинство европейских аналогов позднего Средневековья. Правда, появилась смертная казнь, совершенно отсутствовавшая в домонгольской «Русской правде», но смерти предавали только убийц, изменников, поджигателей и «ведомых лихих людей», то есть рецидивистов. В обиход уголовного разбирательства вводится пытка, но применять ее разрешается лишь при наличии серьезных улик. Сохраняется древний обычай в сомнительных случаях устраивать «судебный поединок» – Бог-де укажет, кто прав, а кто виноват.

Раз образовалось государство, не могла не появиться и новая категория преступлений: антигосударственные. Они рассматривались как самые тяжелые и карались казнью. К злодеяниям этого рода относились измена и святотатство, то есть покушение на власть земного и небесного владык.

Социальные изменения

Единый порядок, твердая власть, прекращение татарских набегов и междоусобных войн – все эти факторы благоприятно сказались на жизни населения. Происходило формирование великорусской нации, которая уже не могла существовать в прежней системе общественных отношений, пригодной для раздробленной страны, но не для централизованной монархии. Новая реальность требовала перестройки всей социальной пирамиды. Не в последнюю очередь это объяснялось просто тем, что *народ стал большим*, его численность очень увеличилась.

Установить, сколько людей жило в Московском государстве к концу правления Ивана III, не так-то просто. Мы лучше представим себе данные предыдущего, ордынского периода, потому что татарские ханы проводили на оккупированных территориях переписи. Попытка пересчитать подданных на Руси будет предпринята вновь лишь в середине XVI века, но к тому времени размеры страны существенно изменятся. Реконструировать вероятную численность населения во времена Ивана III возможно лишь при помощи исторической демографии, которая делает приблизительную правдоподобную оценку, оперируя целым набором косвенных сведений и логических допущений.

Размеры страны были огромны, но эти просторы в основном пустовали. Иностранцев путешественников поражало, что на длинных дистанциях, иногда несколько дней кряду, им не встречалось ни одной деревни. А между тем время было относительно спокойное – лишь один большой неурожай (в 1485 году), мало эпидемий и кровавых войн. Единственным регионом, где, вероятно, несколько сократилось население, была Новгородчина, однако многих тамошних жителей переселили в другие области.

Историк-демограф Борис Урланис в первой половине XX века произвел расчеты, согласно которым получилось, что в Московском государстве 1500 года должно было обитать примерно шесть миллионов человек. Много это или мало?

Во всей Европе тогда жило около 90 миллионов. Плотнее всего были населены Италия (ок. 12 миллионов), Германия (ок. 11 миллионов),

Франция (ок. 13 миллионов), однако первые два региона не в счет, поскольку они представляли собой конгломерат маленьких и средних государств. Держава Ивана III, вероятно входила в первую европейскую тройку, вровень с Испанией, и была раза в два населеннее Англии, где тоже как раз завершались централизационные процессы. Во «второй» Руси, Литовском княжестве, в конце XV века, вероятно, проживало 4–5 миллионов человек, по меньшей мере три четверти которых были русославянского происхождения.

Для управления большой страной прежде всего нужно было произвести реформу правящего сословия, опоры престола. Боярство тут не годилось. Во-первых, оно было слишком малочисленно (по оценке В. Ключевского, не более 200 семей); во-вторых, его притязания и традиционные права не соответствовали системе абсолютной монархии, которую кропотливо строил Иван III.

Мешало еще и то, что внутри аристократии существовала сложная и запутанная иерархия, в которой каждый имел строго определенный статус и получал должность согласно родовитости. Знать делилась на разряды. Высшую ступень занимали потомки русских и литовских великих князей; затем шли потомки независимых и удельных князей; затем – потомки исконных московских бояр; затем – потомки немосковских бояр. Постоянно возникали ссоры и тяжбы из-за того, кто какую занимает ступеньку, но еще печальней было то, что даровитый, но «худородный» воевода или администратор никогда не находился на первых ролях, закрепленных за отпрысками «великих родов».

Это явление, именуемое «местничеством», будет большой проблемой московского государства на протяжении долгого времени. Иван III и не пытался сломать перегородки внутри боярства – этим он лишь антагонизировал бы элиту. Государь действовал иначе – обстоятельнее и капитальнее. Не разрушая прежний «управленческий» класс, он начал создавать под ним новый, более удобный для самодержавной системы.

Внутри административного аппарата появились уже поминавшиеся дьяки – толковые, но неродовитые работники, из которых начала возникать бюрократия. Но этого было недостаточно. Централизованное государство для сбалансированности нуждалось в многочисленном и сильном сословии, которое всем, что у него есть, было бы обязано монарху. Так зародилось русское дворянство.

У некоторых историков, руководствовавшихся «классовой теорией», можно прочесть, что московские государи создали поместное дворянство чуть ли не специально для того, чтобы избавиться от боярства, но это, конечно, не так. Никто из последующих монархов, даже Иван Грозный, не собирался искоренять бояр, которые продолжали оставаться важной и нужной государственной инстанцией.

Главным мотивом для ускоренного формирования дворянства стала потребность централизованного государства в централизованных вооруженных силах.

До Ивана III понятия общенациональной армии не существовало. У великого князя была собственная относительно небольшая дружина, к которой во время войны присоединялись отряды удельных князей и бояр, а также полки вассальных татарских царевичей.

Эта мобилизационная система была неповоротлива, ненадежна и довольно опасна, как продемонстрировал мятеж государевых братьев накануне ордынского нашествия 1480 года. Единственным источником военной мощи в новой стране могла быть только верховная власть.

Главная трудность, разумеется, заключалась в расходах. Идея постоянной регулярной армии, которая целиком содержится на средства казны, в ту пору казалась странной. Зачем все время платить огромные деньги за то, что понадобится лишь во время войны? Европейские государства предпочитали пользоваться услугами наемников, то набирая их, то распус-

кая. Иван III поступил мудрее. Он дал в пользование каждому воину по наделу земли, чтобы тот кормился сам, а взамен по первому зову являлся бы на службу полностью снаряженным и, если надел велик, с несколькими «боевыми холопами». В сущности, это была не армия, а полупрофессиональное воинское ополчение, которое мобилизовалось по принципу, введенному еще Чингисханом.

Такую роскошь как большое войско Иван Васильевич мог себе позволить лишь потому, что в результате перекройки русских территорий у казны образовался огромный фонд государственных земель. Все владения, отобранные у удельных князей, все обширные угодья разгромленной Новгородской республики (около миллиона гектаров пахотной земли) перешли в собственность великого государя, так что ему было куда «поместить» своих военных слуг – их стали называть «поместниками», а затем «помещиками». Земля давалась им не в личную собственность, а на время службы и передавалась по наследству, только если следующее поколение продолжало исполнять свои обязанности по отношению к государству.

Дворяне получали в среднем по 20–30 «сох» (так обычно назывался участок, который могло обрабатывать одно крестьянское семейство). Земледельцы платили своему помещику оброк, которого хватало, чтобы в случае призыва дворянин являлся на службу в доспехах и на боевом коне. Такая военно-мобилизационная система, с незначительными модификациями, просуществует вплоть до эпохи Петра I.

Во времена Ивана III дворянство было еще не слишком многочисленным: сначала несколько тысяч, потом несколько десятков тысяч человек, но это сословие быстро росло и крепло. Образовалось оно первоначально из так называемых «детей боярских» – потомков боярских родов, которые обнищали в результате постоянного деления вотчин между наследниками; из великокняжеских, княжеских и боярских слуг; наконец, из простолюдинов, отличившихся на военной или гражданской службе.

Смотр служилых людей. С. Иванов

Изменения начали происходить и в основной массе народа, который (по расчету Г. Вернадского) в ту эпоху на 95 % состоял из крестьянства, поскольку городов в стране было мало и они, за исключением Москвы и Новгорода, были невелики. Крошечными были и большинство деревень – собственно, даже и не деревень, а семейных хуторов. Соловьев пишет, основываясь на данных сохранившейся писцовой книги XV века: «Сел и селец с народонаселением от 15 до 120 душ встречаем очень мало; деревень с народонаселением от 7 до 15 и свыше душ также очень мало; обыкновенно деревни состоят из 1, 2, 3, 4 дворов с 1, 2, 3, 4 душами». («Душой» называли работника мужского пола, женщины в счет не шли). Эти крестьяне были лично свободны и, как правило, владели своими наделами. Они платили подати казне, а если жили на земле, принадлежавшей боярину, помещику или церкви, то оплачивали эту аренду своим трудом или оброком. Если условия крестьянина не устраивали, он мог перейти на другое место, и многие это делали, в том числе и собственники наделов. Земли было много, и особенной ценности на Руси она не представляла.

Отдельную социальную группу составляли холопы. Лично несвободные и бесправные, они принадлежали боярам и никуда уйти не могли, а если пускались в бега, то их ловили и возвращали обратно.

В беспокойные времена татарских набегов и княжеских междоусобиц крестьяне часто переходили с места на место, от одного землевладельца к другому или же подальше от бояр, в свободные края, благо было куда.

С такой мобильностью податного населения централизованное государство, конечно, мириться не могло. К тому же блуждания землепашцев разоряли бояр и помещиков. С подчинением всех великорусских земель одному правительству, крестьянам и беглым холопам

даться от государства стало некуда. Власть получила возможность контролировать миграцию и не замедлила этим воспользоваться.

Одной из главных статей Судебника 1497 года было ограничение крестьянской свободы перемещения. Она пока не отменялась вовсе, но ограничивалась неделей до и после Юрьева дня (26 ноября). К этому времени все осенние работы уже заканчивались, и уход работников наносил землевладельцу наименьший ущерб. Кроме того, перед переселением крестьянин был обязан рассчитаться по всем задолженностям и заплатить господину «пожилое» – своего рода благодарность за то, что пожил в его владениях. Сумма была немаленькой: до рубля (в то время – условная счетная единица, состоявшая из 200 серебряных монет-«денег»).

Это был лишь первый шаг к закреплению основной массы населения, но весьма существенный. И всё же к концу правления Ивана III ситуация сложилась странная: крестьяне были свободнее аристократов или дворян – те не имели и двухнедельной отдушины, когда можно было бы куда-то уйти. Самодержавное государство укреплялось сверху вниз.

Как уже было сказано, ограничение текучести населения было в первую очередь вызвано необходимостью взимания налогов. В правление Ивана III была проведена огромная работа по разделению всей страны на единицы налогообложения – «сохи». Размер «сохи» варьировался в зависимости от плодородия почвы: на скудных землях это могло быть и несколько дворов. Горожане, вовсе не возделывавшие землю, тоже делились на эти фискальные ячейки по доходам или количеству домов.

С этого момента на Руси возникает понятие более или менее прогнозируемого государственного бюджета. Помимо податей он складывался из многочисленных пошлин и сборов от торговли.

Структура русской торговли в это время тоже меняется. С одной стороны, оживляется внутренний товарообмен между областями – из-за долгого мира и отмены таможенных барьеров между княжествами. Появляются первые ярмарки, описание которых можно встретить у иностранных путешественников.

Вместе с тем внешняя торговля, кажется, приходит в некоторый упадок по сравнению с ордынскими временами. Татарские ханы покровительствовали купцам и позволяли Руси вести выгодный торг с восточными странами. Теперь эти маршруты в значительной степени нарушились, а новые, европейские, пока еще не наладились – в особенности после того, как Иван III разорвал новгородско-ганзейские связи.

Русский экспорт оставался всё тем же. Во-первых, конечно, пушнина – товар поистине стратегического значения, вроде нынешних нефти и газа, поскольку всякий мало-мальски обеспеченный житель Западной Европы в ту эпоху должен был носить меха, свидетельство статуса. Самым дешевым мехом считался беличий, его вывозили до полумиллиона шкурок в год; самым дорогим – горностай и соболь. А. Хорошкевич пишет, что в некий год начала XVI века Русь поставила на европейские рынки 60 сороков соболя и 227 сороков горностая (считали связками по сорок шкурок). Во-вторых, вывозили воск для свечей. В-третьих, ворвань и «рыбий зуб» с Северного моря. Ничего промышленного во времена Ивана III страна на экспорт, кажется, еще не производила; русские лен, пенька, кожи, сало, поташ станут известны в Европе несколько позднее.

Из товаров первой необходимости импортировали главным образом суконные и хлопчатобумажные ткани, писчую бумагу, а также соль, которой вечно не хватало. Кроме того, русские купцы везли из Астрахани, Крыма и Европы разные дорогие товары: специи, украшения, оружие, шелк, парчу, сладости, сыры и вина, но покупателей, которые могли позволить себе такую роскошь, было немного.

Иностранные мастера

Новой и несомненно самой важной «статьей ввоза» в эпоху Ивана III стал, выражаясь по-современному, импорт мозгов и технологий. Прижимистый Иван Васильевич не скупился, когда нужно было заманить в Москву опытных чужеземных специалистов самого разного профиля – их активно нанимали в Европе московские посланники.

Времена, когда Азия лидировала в военном, научном, технологическом и культурном отношении, уходили в прошлое. Теперь авангардом цивилизации становилась Европа – прежде всего Италия, расцветшая в эпоху Возрождения. Русь же за века ордынского владычества сильно отстала и находилась даже на более низком уровне развития, чем в XIII веке. Многие ремесла и навыки, освоенные древними мастерами, теперь были забыты.

Неизвестно, испытывал ли Иван III интерес к каким-то сферам культуры, кроме зодчества, но к техническим новшествам – несомненно. Государь очень ясно понимал, что его страна отстает от Европы во многих отношениях, и хотел сократить разрыв. Именно с этого – постоянного, жадного желания перенять всё полезное у Европы – то есть с психологической переориентации, и начинается медленный дрейф Руси из условной Азии в столь же условную Европу. Если бы лучших мастеров Москве могла предоставлять Турция, Русь, вероятно, так и осталась бы азиатской страной.

Первый толчок к рекрутированию иностранцев дал брак на римлянке Зое Палеолог. Ее сопровождала большая свита, состоявшая из греков и итальянцев, да и в дальнейшем, уже став Софьей Фоминишной, государыня всячески поощряла «итальянизацию» великокняжеской резиденции.

Всякая тоталитарная власть, особенно только что установившаяся, покровительствует архитектуре. Пышность построек наглядно демонстрирует мощь монарха и незыблемость его династии. Иван III, придававший большое значение возвышению своего престижа и величию государева звания, превратил Кремль из деревянного городка, обнесенного сильно обветшавшими каменными стенами, в великолепный архитектурный ансамбль.

Стены и башни были перестроены, заменены более мощными. Между рекой Москвой и рекой Неглинной проложили широкий ров, выложенный камнем. От стен до ближайших домов было расчищено пространство шириной более чем в 200 метров – не столько мера безопасности (во время вражеского нашествия посадки все равно сжигали), сколько зримое обособление вместилища Верховной Власти.

Еще разительнее были перемены внутри Кремля.

Прежние московские государи жили попросту, не заботясь о пышности. Она, пожалуй, была даже небезопасна, поскольку могла побудить Орду увеличить дань. В тех условиях было выгоднее приbedняться. Отец Ивана жил и умер в ветхом и тесном деревянном тереме (правда, он был слеп и все равно не мог наслаждаться красотами). Однако начинать полагалось не с государева дома, а с Господнего. В замке имелся каменный собор Ивана Калиты, но бедный, неладно сложенный и полуразвалившийся. Для главного храма большой страны такой не годился. Одновременно с покорением Новгорода, то есть с фактическим объединением Руси, начинается строительство величественного Успенского собора.

Московский Кремль при Иване III. А. Васнецов.

История этого строительства примечательна. В 1472 году наняли двух московских зодчих, Кривцова и Мышкина. Мастерам было велено построить что-нибудь вроде владимирского Успенского собора. Они бодро разобрали старый храм и два года возводили новый, а на третий он взял и развалился (известь оказалась «не клеевита»). Увы, «каменная наука» на Руси подзабылась.

Хотели поручить дело псковичам, потому что в Пскове неплохо строили из камня, но решили не рисковать и отправили в Италию посланника подыскать хорошего архитектора. Болонец Аристотель Фиорованти, в то время работавший в Венеции, польстился на баснословное жалованье (десять рублей в месяц) и отправился в далекую страну с сыном Андреа и учеником Пьетро.

С недостроенными стенами фрязин (так на Руси звали итальянцев) иметь дело не пожелал и велел расчистить площадку. Съездил во Владимир. Тамошний собор XII века Аристотелю очень понравился. Фиорованти отказывался верить, что его строили не итальянцы. Талант зодчего проявился в том, что он сумел ухватить и воссоздать «русскость» православного храма. Торжественный и в то же время простой контур Успенского собора напоминает домонгольскую архитектуру.

Фиорованти научил русских делать прочные кирпичи и густой раствор, соорудил подъемник (раньше камни тянули наверх вручную). Работа закипела. Всего за четыре года – невероятная быстрота и по итальянским меркам – собор был построен. Его освятили в 1479 году. Правда, доверив иноземцам строить «тело» храма, его «душу», то есть иконопись русские оставили за собой. Так оно происходило и в дальнейшем. К иконописному делу и росписи храмов допускали только отечественных художников или православных греков.

Свое щедрое жалованье Аристотель Фиорованти отработал с лихвой. Истинный человек Ренессанса, он умел очень многое: кроме зодчества, итальянец владел искусством колокольного литья, делал пушки, чеканил монету.

Успенский собор в Кремле

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.